

[Polaris]

Николай
РАВИЧ

БАКТРИАНА

Роман

Затерянные миры

Том XXII

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СССХІІІ

Salamandra P.V.V.

**Николай
РАВИЧ**

БАКТРИАНА

Роман

Затерянные миры
Том XXII

Salamandra P.V.V.

Равич Н. А.

Бактриана: Роман. Илл. К. Ротова (Затерянные миры. Т. XXII). Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 128 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXIII).

Лорд Пальмур, аристократ-востоковед и по совместительству агент британской разведки, становится первым европейцем, проникшим в таинственный Кафиристан — горную страну, созданную потомками древних бактриан. В небольшом и не переиздававшемся с 1928 г. романе советского писателя и дипломата Н. Равича экзотика, эротика и фантастический вымысел сочетаются с «Большой игрой» в Центральной Азии и описаниями войны в Бухаре.

Глава I

ЧЕЛОВЕК В ТАХТАРАВАНЕ

Дорога шла отвесно, прямой линией спускаясь с горы. Тахтараван — разукрашенный ящик с бубенцами — был укреплен на двух палках.

Передняя лошадь оседала на задние ноги — ящик почти врезался ей в круп. Палки, привязанные к хомуту, задевали и натирали бока. Камни осыпалась под копытами. Задняя — крупная кобыла золотой масти, — упиралась всеми четырьмя ногами, медленно скользя в оседающей каше земли, камней и щебня.

За тахтараваном ехали пять всадников: два европейца и три афганца. За ними цокали копыта невидимых за поворотом лошадей — караван был большой.

Солнце зашло, и ночь сменила день: в пустыне вечеров не бывает.

Показались первые бледные звезды, заплакал шакал, из-за вершины гор показалась луна. Караван спускался с горы. Голова его исчезала в расщелине, хвост терялся во мраке и только в середине лунный блик, прорываясь сквозь горную щель, освещал появлявшихся и исчезающих всадников. Блестела сталь копий и штыков, развевались зеленые, белые и желтые чалмы, раздавался храп коня, гортанный крик человека, звон цепей, соединявших вьюки.

Ночь жила невидимой жизнью: поспешно убегал шакал, шипела змея, уползая в камни, гепард следил светящими-

ся глазами за движением теней, вдыхая запах лошадиного пота.

На фоне открывшейся долины, плоской, как тарелка, зубчатым профилем чернели стены рабата. Огромные чугунные ворота его были увенчаны башней. На ней недвижимо стоял часовой.

Медный и тонкий звук трубы прорезал ночную тишину. Тотчас же раздались крики команды, и кони вытянулись в одну ленту. Офицеры выдвинулись вперед.

Медленно, скрипя открылись ворота, обнажая четырехугольник двора и серебристую струю неумолкаемо журчащего фонтана.

Оттуда, дробя высохшую землю подкованными сапогами, под сухой барабанный рокот и свист дудок двинулась пехота.

Гортанный крик команды, короткий шум поворотов. Всадники и пехотинцы вытянулись в две линии, глядя друг на друга.

Тогда, медленно волоча за собой свою четырехугольную тень, выплыл тахтараван и темным пятном замер между ними.

Громадная фигура человека, накрытая сверху белым колаком шлема, вылезла из ящика. Человек открыл рот и рывкнул.

В ответ закричали люди, запели дудки, перекатилась барабанная дробь, заиграли трубы и кони заржали, поднимая морды к звездному небу.

Человек повернулся и пошел во двор.

Глава II

6 = 3

Человек был очень высок ростом и широк в плечах. Он тяжело ступал по крутой лестнице, поднимаясь в отведенную ему комнату. Это была зала со сводчатым потолком.

Ее пол и стены, сложенные из громадных плит гранита, тонули во мраке. В линиях арок, в ее размерах, в суровости камней, от которых веяло вечностью — была особая возбуждающая сила. Очаг, напоминавший камин, был забит саксаулом. Около него лежали кошмы, светившиеся своей белизной, сваленные в кучу подушки и бархатные валики. Рядом стояли подносы с чаем, дынями, свежее испеченными лепешками хлеба. Человек подошел к маленькому, прорубленному в толще стен окну.

Во дворе, вытягивая языки пламени к небу, горели костры. Вокруг одного из них недвижимой цепью сидели согнувшиеся фигуры. Блеяние бараклов наполняло воздух. Один из сидевших у огня встал, подошел к стаду, мягким и сильным движением выдернул из-за пояса короткий кривой нож и вонзил его в горло самому маленькому из животных.

Кто-то кашлянул, и человек обернулся.

За ним стоял афганец громадного роста в кружевной чалме и плаще белого курка.

Он был родом из Балха¹, и в его лице сочеталась красота греческих линий с резкими чертами диких горцев. Большие глаза смотрели властно и спокойно, прямой нос, твердые линии рта и подбородка отражали волю.

— Я думаю, — сказал он, быстро дотронувшись концами пальцев обеих рук до глаз и рта, — что саиб не откажется съесть плова и ничего не будет иметь против того, чтобы затопили очаг.

Он говорил по-перендеш, но с очень гортанным выговором.

Европеец снял шлем, бросил его в сторону и опустился на подушки.

Вошли слуги. Их белые шаровары, острые загнутые носки туфель и высокие чалмы замелькали в темноте залы.

Воздух наполнил шедший со двора запах жареного мяса, в очаге пылал огонь, танцую отражением на стенах и потолке, а человек стал раздеваться, готовясь ко сну.

¹ Балх — населенный пункт в восточном Афганистане, когда-то столица государства Бзктрии (*Здесь и далее прим. авт.*).

Кровать — груда подушек на бархатных подстилках в нише стены — была готова. Он лег, прикрывшись сверху пледом.

Невольно ему пришла в голову мысль, что в этой самой нише каждую ночь в течение веков ночуют путники, кто бы они ни были и куда бы ни двигались. Сердце Азин пересекалось в этой точке. Из Индии в Туркестан, из Персии в Бухару и из Тибета в Аравию долгие дни через пустыни и горы двигались люди и животные. Здесь проходили армии, проезжали купцы, пробирались смелые ученые и разбойные племена с гор налетали саранчой.

Ниша была выложена такими же камнями из гранита, как и вся комната, только меньшего размера. Они были изрезаны и исцарапаны надписями, знаками и рисунками. Арабские буквы, куфические надписи¹, иероглифы² гератских³ евреев покрывали всю ее поверхность. Одни из них были почти незаметны, другие довольно ясны. И среди них он заметил совсем свежую и странную надпись на английском языке.

Видимо, она возбудила его любопытство: он встал и направился к светильнику. Это была глиняная чаша, наполненная маслом. В ней плавал горящий, похожий на глисту фитиль.

Высоко приподняв светильник в руке, человек нагнулся над углублением ниши и прочел уже вполне освещенную надпись:

Север. Справа — 6, снизу — 3.

¹ Куфические письма, т. е. древнеарабское письмо, получившее название от г. Куфы в Месопотамии. Куфические надписи употреблялись до 10 века на памятниках, монетах и т. д.

² Иероглифы — греческое название древнего шрифта египетских надписей, вырезанных и рисованных на камне, состояли из изображений зверей, птиц, растений и фигур, разной утвари и знаков.

³ Герат — 2-й по величине населения город в Афганистане.

Человек опустил светильник и сел. Потом вытащил положенный под подушку портсигар, зажег папиросу и начал курить. Шли минуты. Тишину прорезало ржание коня и перекликанье часовых. Дрова догорали, ночь бледнела в окне, холод переходил в утреннюю сырость. Рядом с человеком росла пирамида окурков.

Потом он встал и пошел по каменному полу залы большими шагами. Он шел на северную стену так, как будто вместо нее было пустое пространство. Подойдя к ней, он задержался, пытливым взглядом осматривая камни. Шестой камень справа от угла был третьим снизу. Тогда, ухватившись за четырехугольник гранита, человек с яростью начал его тянуть к себе. Его движения были настолько порывисты, что он почти упал с вытянутым камнем. Жадными руками он залез в зияющую дыру. Первое мгновение ему казалось, что там ничего нет. Но тут же концы его пальцев ощутили мягкость бумаги. Вытянутый и сплюснутый сверток исписанных листов предстал перед его глазами. Он понес их к огню, держа обеими руками, как путник в пустыне держит в горсти зачерпнутый из источника остаток воды.

И вот что он прочел, склонившись над листками, озаряемый неровным и слабым светом масляной плошки.

Глава III

БЕЛАЯ КОКАРДА

Тегеран, 10 января 20 г.

Я не видел отца 17 лет (8 — ушло на колледж¹, 5 — на Кембридж, 4 — на Персию и Индию). Сегодня я сидел и разбирал найденные вместе с Броуном новые рубайи Омер

¹ Колледж — английское среднее закрытое учебное заведение.

Хайямы¹, когда меня позвали в посольство. Я думал, что я нужен первому секретарю Стоку, но меня провели прямо к послу. Сэр Перси Лоренс сидел в своем кресле очень прямо, глядя на меня своими мутными глазами. Рассматривая его, я окончательно убедился, что у него баки крашенные. Правая была чуть светлее левой и в нижней своей части даже совсем седая.

— Сэр Артур, — сказал он, — я получил письмо от вашего батюшки лорда Пальмура. В нем... — и, вставив монокль, он начал рыться в своем столе, рылся очень долго и ничего не нашел. Потом стал обшаривать свои карманы и обнаружил письмо вместе с какой-то другой бумажкой:

— ...он просит меня срочно откомандировать вас в Англию. Он чувствует себя плохо и, кроме этого, имеет вам что-то передать лично. Так как вы находитесь здесь в научной командировке и от меня не зависите, то все, что я могу сделать, — это оказать вам посильное содействие в отъезде.

После этого он спросил меня, был ли я с отцом в Египте и в России, когда тот был в этих странах послом. Я ему ответил, что в это время учился, а потом уехал сюда и очень давно не видел своего отца. Он погладил баки, посмотрел в окно, вздохнул — я понял, что ему скучно — встал и ушел.

12 января

Сегодня я уезжаю через Багдад и Индию в Англию. Все рукописи, фотографии с надписей и даже подлинные плитки я оставляю здесь у Броуна, рассчитывая вернуться через несколько месяцев.

Нью-Кэстль, 5 февраля

Когда я въезжал на машине в ворота нашего парка, мне казалось, что только вчера я здесь бегал, задрал штаны и

¹ Омер Хайяма — знаменитый мусульманский ученый и поэт. Рубаи — стихи.

охотясь за Джерри — сыном соседа-лорда Ридинга¹. Теперь он в верхней палате произносит речи по пять часов подряд, усыпляя самого лорда-президента².

Особенно мила моя старая комната: в ней та же пузатая мебель, охотничьи гравюры и первые томики Диккенса. Отец сидел в кресле у камина, укутанный пледом. У него задрожали губы, когда я его обнял. Потом он откинулся на спинку и начал меня рассматривать. В его лице нет неприятных старческих черт: крупный орлиный нос и очень мохнатые брови делают его похожим на птицу. Он высморкался, покашлял и очень подробно начал расспрашивать о моих знаниях персидского языка и наречий центральной Азии: урду-пушту³ и узбекского. Он интересовался также племенным составом этих районов и целым рядом других вопросов.

Я подумал об этом несколько необычайном способе разговаривать с сыном после 17 лет разлуки. Мои мысли были прерваны приглашением к обеду, во время которого отец ничего не говорил.

Потом он вызвал меня в кабинет и сказал следующее:

— В нашей семье из рода в род старшие сыновья вместе с титулом наследуют и обязанность быть членами «Белой кокарды». Это требует объяснений. Как тебе известно, в Англии существует «Интеллидженс-Сервис». Это учреждение, о котором конституция говорит, что «задачей его является защита интересов Великобритании во всем мире», что оно не обязано отвечать на запросы министров, но последние могут писать туда свои пожелания, и что начальник его известен лишь королю и премьер-министру. «Интеллидженс-Сервис» имеет в своем распоряжении корпус «Белой кокарды». Члены «Белой кокарды» набираются из состава английской аристократии для тайной работы в какой-нибудь определенной стране в пользу Англии. Какой бы профессией они

¹ Лорд Ридинг — бывший вице-король Индии.

² Речь идет о верхней палате лордов.

³ Пушту — язык афганцев. Отличается грубостью произношения.

ни занимались, они должны быть подготовлены еще к специальной работе и знать хорошо ту страну, куда они будут посланы. Я был дипломатом по профессии и работал для «Интеллиженс-Сервис» в России, ты — этнограф¹ и лингвист² — будешь работать в Средней Азии. Каждый член «Белой кокарды» записывается туда отцом при рождении, и организация с этого момента сама ведет его личное дело, следит за ним, его привычками, образованием, изучает свойства его характера и, наконец, наступает день, когда она требует его явки.

Он встал, открыл сейф, вделанный в стену, и вынул оттуда синий лист бумаги, на котором была выдавлена белая кокарда и напечатано на машинке: 6 февраля 1920 г.

— Итак, Артур, — сказал он, — это значит, что 6 февраля за тобой заедут и с этого числа ты поступаешь в распоряжение «Белой кокарды».

С этими словами он закрыл несгораемый шкаф и прибавил:

— А теперь оставь меня — я очень устал.

Мне кажется, что он был очень взволнован.

Глава IV

ЛОРД ПАЛЬМУР ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ДЖЕРРАМА ФОРЛА

6 февраля

Сегодня за мной явился мужчина среднего роста, одетый в скромную черную пару, весьма мрачного вида. Он закрыл дверь и сказал:

¹ Этнограф, т. е. изучивший науку о человеческих племенах и их материальной и духовной культуре.

² Лингвист — знающий науку о языке и наречиях народов всего мира.

— Сейчас вы получите документы на имя мистера Джеррама Форла. Таким образом, лорд Артур Пальмур перестает существовать. Кроме этого, вы сложите вещи и поедете вместе со мной.

— Куда? — спросил я.

— В Девоншир, в школу индивидуального обучения¹, — ответил он.

8 февраля

Вначале, когда мы въезжали в глухие чугунные ворота красного кирпичного здания, мне казалось, что это казарма, потом, проходя по громадным лабораториям, где люди в белых халатах занимались какими-то опытами, я был уверен, что это больница, и, наконец, когда, после заполнения анкет и снятия фотографии и отпечатков пальцев, меня привели в мою комнату — ее белые стены и решетки на окнах делали ее похожей на тюремную камеру.

9 февраля

Итак, я, скромный ученый, занимавшийся до этого изучением куфических надписей и плиток с вавилонскими письменами, знаю: под почтовой маркой можно симпатическим² способом скрыть зашифрованное и умышленное письмо с целого листа пишущей машины. Всего открыт до сих пор 16.531 состав симпатических чернил. Или, например, как сообщить из пустыни только что полученное донесение: радиопередатчик типа **АВ 14** величиной с кодак среднего размера вызывает секретный радиоприемник своего секто-

¹ В этой школе каждый ученик подвергается особой обработке. В каждом своем воспитаннике школа развивает тес свойства его ума и те наклонности, которые присущи только ему.

² Симпатические чернила — невидимые на бумаге — проявляются специальными составами.

ра. Если вызывать из Мазар-и-Шерифа¹, то приемная станция будет в Пешавере. Он относится к сектору АУ и, следовательно, призывные знаки будут тоже АУ.

10 февраля

Нас около ста обучающихся, и ни один не видит другого.

15 Февраля

Афганская армия со времени пребывания там Джемаль-паши² перешла на турецкое деление: фирга, лива, алай³. Локайцы — особое горное племя в Восточной Бухаре — очень воинственное. От их отношения к восстанию Энвер-паши зависит весь исход борьбы.

16 февраля

Сегодня я прибыл в Лондон и явился по указанному мне адресу.

Меня провели к очень изящной и хорошенькой леди. Вся квартира напоминала дом среднего чиновника. В середине разговора о погоде вошел джентльмен, похожий на военного в штатском платье.

— Итак, — спросил он, — какие сигары вы любите?

— Больше всего манильскую «флора фина», с головкой льва на бумажном кольце.

— Пойдемте.

В несколько минут в соседней комнате — очаровательной дамской уборной — он мне налил баки, надел парик и передал жестяную марку, на которой была выбита белая корона и какой-то номер.

¹ Мазар-и-Шериф — крупнейший город Восточного Афганистана.

² Джемаль-паша был генерал-инспектором афганской армии.

³ Фирга, лива, алай — армия, корпус, полк.

Выйдя оттуда, я взял такси и поехал на Даунинг-стрит, 10, в главную квартиру «Интеллидженс-Сервис». Когда я очутился перед чугунными воротами мрачного здания, над которыми висел фонарь с цифрой 10, я почувствовал некоторое волнение. Двое людей, стоящих у ворот, потребовали у меня пропуск. Я им показал свою жестянку. Тогда один из них, взяв ее у меня и опустив в отверстие, какое бывает для опускания денег в автомате, нажал кнопку, и ворота медленно приоткрылись. Я прошел через вымощенный крупными плитами двор, и подошел к закрытой двери дома. Тотчас же в ней открылся глазок и меня спросили, что я хочу. Я просунул в дверку половину талона с какими-то цифрами, полученную в Девоншире в день отъезда. По-видимому, у него была вторая половина, и он ее быстро нашел, так как открыл дверь и велел пройти во второй этаж, в комнату № 7 и выдал мне новый пропуск.

Глава V

В КОТОРОЙ МИСТЕР УИНСТОН ЧЕРЧИЛЬ ПОКАЗЫВАЕТ СВОЕ ЛИЦО

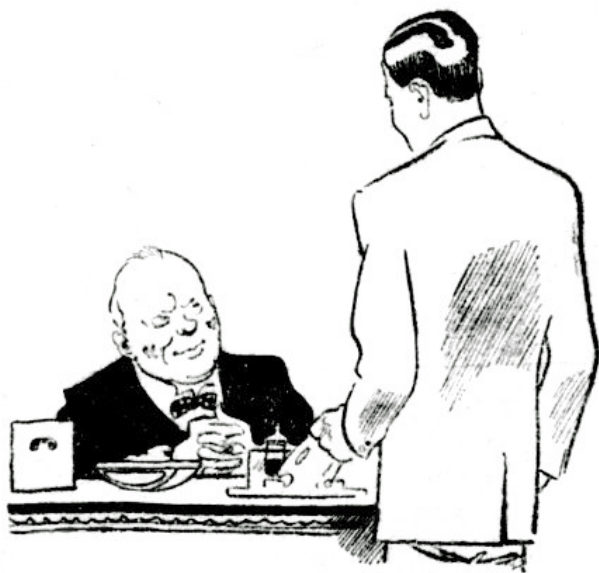
Поднимаясь во второй этаж, я слышал шум, сотрясавший все здание: работали какие-то машины.

В комнате № 7 человек сидел спиной к двери. Я видел его широкую спину, лысину и руки, разбавившие бумаги на столе. Получив пропуск и не оборачиваясь, он вынул какую-то книжку и начал в ней что-то отыскивать. Потом повернулся, — у него оказалось обыкновенное лицо обрюзгшего чиновника, — и взял телефонную трубку:

— Джеррам Форл явился, сэр. Пройдите, — сказал он, — прямо в дверь.

Я открыл дверь, вошел и увидел... одного из самых популярных людей в Англии. Если бы мне сказали раньше, что он работает в «Интеллидженс-Сервис», я стал бы смеять-

ся до упаду. Но это был он. Любая фотография, одно из бесчисленных его изображений, ежедневно видимых нами в газетах, журналах, на папиросных коробках, доказывали это с очевидностью. Нос — похожий на пуговицу, лицо бульдога, лысина, знаменитый галстук с горошком — да, это был он, сэр Уинстон Черчилль.

— Итак, — сказал он, — не теряйте времени. Садитесь и слушайте. Вот карта. Вот восточный Афганистан, вот Бухара, восточная Бухара. Здесь Кушка, а тут Герат. В настоящее время Энвер-паша поднял восстание против большевиков. Его задача — создать новое государство от Каспийского до Черного моря. Но пока что он находится в восточной Бухаре, и положение его нельзя считать устойчивым, главным образом потому, что Афганистан сочувствует большевикам и не хочет присоединиться к этому делу. Между тем, нам крайне выгодно, чтобы операции Энвера успешно развивались. Для этого нужно перерезать железнодорожную магистраль между Кушкой и Мервом, разрушить города по этой линии и устроить набеги на советскую террито-

рию. Это можно сделать при помощи джемшидов. Джемшиды — дикое, кочевое племя, и на него очень слабо распространяется власть афганского правительства. Вы, благодаря вашему знанию племен и наречий этой части Средней Азии, войдя в сношения с вождями, сможете организовать это дело.

Он кончил, и я некоторое время думал.

— Сэр, — сказал я, — имейте в виду следующее. Мне 34 года, и до этого моя жизнь шла так, как я этого хотел. Я не военный, я не увлекаюсь политикой, я — ученый. У меня есть свои интересы, наука, которая меня привлекает, девушка, на которой я собирался жениться. Когда меня отец вызвал к себе из Персии и объявил, что я состою в «Белой кокарде», я ему ничего не сказал. Мое любопытство меня завлекло дальше. Но теперь я вам сообщаю: меня не интересует ни Энвер-паша, ни джемшиды, я также не вижу причин для того, чтобы разрушать чужие города и железные дороги, и для того, чтобы именно я занимался этим делом.

Он посмотрел на меня, и лицо его посерело. Потом он достал сигару, обрезал ее и закурил.

— Я не буду говорить вам о том, что это делается для защиты могущества Великобритании — это вас не убедит. Но я сделаю другое, — и его палец надавил кнопку звонка. Вошел человек в форме капитана.

— Мак-Невель, — сказал он, — вот перед вами Джеррам Форл — член «Белой кокарды». Если в течение недели он не явится в распоряжение полковника Лауренса, найдите его, где бы он ни находился, и уничтожьте: старший сын лорда Пальмура способен стать предателем.

Конец марта

Итак, в Англии в наши дни возможно быть схваченным и уничтоженным без следа. И этим угрожает министр его величества члену одной из старейших фамилий Англии. Что же могут они сделать с любым из англичан, «охраняемых великой конституцией»?

2 апреля

Осталось два дня. Сегодня я говорил с отцом и полковником Лауренсом:

— Я еду, это будет моя единственная и последняя дань «Белой кокарде». Маршрут — Багдад — Тегеран — Мешед — Люффабад — Герат — Рабат.

ГЛАВА VI

ПЯТНО В ГОРАХ — НЕ ТОЛЬКО ТЕНЬ КАМНЯ: МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО СПИТ ТИГР

Когда-то в этом доме жили наследники персидского престола. За громадной каменной стеной скрываются странные сады: там цветы посеяны полями. Разноцветные квадраты наполняют одуряющими ароматами воздух, над ними густой кашей висят пчелы и насекомые, а по бокам цветочных полей спокойно журчит вода в арыках¹. Каждое поле отделено от другого дорожками и заканчивается каменной круглой площадкой. Фонтаны — простая бьющая из земли жемчужная струя воды — рассеяны прямо среди цветов.

Дом очень велик. Резные тонкие двери открыты и, так как окон нет, то кажется, что все здание доступно глазам любого гостя. Это неверно. Я знаю, что многие комнаты скрыты за каменными стенами, и потайные двери известны лишь хозяину и немногим слугам. Кроме этого, центральное здание соединяется перекидным крытым мостиком с другим — гаремом. Это несколько меньший, но еще более изящный дом в стиле эпохи Тимуридов². Там есть внутренний зимний сад.

¹ Арыки — каналы для орошения водой на Востоке.

² Царствовавшая династия в Персии в 14-15-ом веках.

Кстати, о моем хозяине — Бужнурском хане Мухаммуль Мульке¹. Он очень тучен. Красное лицо, рыжая борода, манера носить парчовые халаты, чалму и необычайные золотые туфли с загнутымиверху носами делают его похожим на героя из старинных персидских сказок. Он очень начитан и знает Джами, Саади, Гафиза, Хайяму² наизусть. Любезность, манера ходить, мечтательно нюхая цветок, ласко-

вость жестов сочетаются с жадностью и, как мне кажется, с коварством. Когда я передал ему письма и рассказал, в чем дело, он слушал меня так, как будто бы мы говорили о стихах. Когда я умолк, он взял меня под руку и повел гулять в сад. Я вернулся к делам, ради которых сюда приехал

¹ Бужнурский хан — один из самых влиятельных в районе Хорессан, в Персии.

² Джами, Саади, Гафиз, Хайяма — великие персидские поэты.

— он стал меня водить по дому. Я чувствовал себя усталым и попавшим впросак — он велел вывести своих лошадей и, блестяще округляя фразы и поэтические сравнения, начал их расхваливать. Тогда я попросил его зайти в мою комнату и собственноручно передал четыре мешка с золотом. Мухаммуль Мульк хлопнул в ладоши и велел своим слугам отнести их в кладовую, как будто это были тюки со старым бельем.

После этого он поклонился и сказал:

— Надеюсь, что вы погостите некоторое время в моем скромном жилище. Что может предложить вам бедный перс: цветы, немного пищи и вина, музыку и танцы, — улыбнулся и вышел.

На столе лежала книга Саади, раскрытая на следующем стихе:

«Ты видишь пятно в горах.
Тебе кажется, что это тень камня. —
Может быть, это спит тигр».

ГЛАВА VII

В КОТОРОЙ ОМЕР ХАЙЯМА ГОВОРIT УСТАМИ ДЕСЯТИЛЕТНЕГО МАЛЬЧИКА

Вечером меня пригласили на дурбар¹, устроенный в мою честь.

В саду на большой каменной и круглой площадке сидели 12 человек — старейшин племен.

Тучные, с обветренными лицами, роняя на выкрашенные хной огненно-красные бороды горячий жир плова, они дышали здоровьем, казалось, распространяя вокруг себя аромат горных ветров и лошадиного пота. Они были почти

¹ Торжественный вечер в честь знатного гостя.

неподвижны, поджав под себя ноги, погружая пальцы в плов и нарушая громким чавканьем тишину ночи.

Среди них в золотом шитом мундире и черной шапочке сидел Мухаммуль Мульк.

Тара¹ дрожала, роняя звуки, и падали слова «Рубаяда»², как капли крови—

«Теперь, когда в саду запели соловьи,
Из рук гуляк вино-рубин возьми,
И посмотри на это тело, полное душой,
Как жасмин, обремененный яркой красотой».

Так великий поэт Омер Хайяма говорил устами десятилетнего мальчика, напудренного и накрашенного; короткий парчовый халат, юбочка, серьги в ушах, ожерелье на шее, длинные волосы делали его схожим с девушкой. Он танцевал, сладострастно изгибаясь, под звуки тары и бубна, держа бокал в руке, унизанной кольцами и напевая четверостишия в промежутках между движениями.

В серебряные литые чарки наливали шербет — я попробовал, там была изрядная доля коньяку. Движения мальчика становились все более страстными. Он, казалось, исходил в истоме и, последний раз изогнув стан и взмахнув длинными кудрями, упал прямо на ковер. Его тело еще дрожало в сладострастных конвульсиях. Потом он замер. Хотя взоры всех горели нехорошим блеском и щеки были красны, — никто не сделал ни одного движения. Подчеркивая напряжение, задрожали собранные струны.

Неожиданно в тишине раздалось ржание коней и на освещенной луной площадке появились тени людей. Их белые чалмы, черные бурнусы и прижатые к груди руки служили молчаливым напоминанием об окончании дурбара.

Ханы поднялись все сразу и, пятясь задом и откланиваясь, исчезли в темноте аллей.

¹ Музыкальный инструмент, вроде гитары.

² «Рубаяд» — знаменитое произведение великого поэта Омер Хайямы.

Мухаммуль Мульк некоторое время прислушивался к замиравшему вдали топоту коней, потом взял меня под руку и повел к дому.

От него пахло вином, он широко улыбался. Луна поливала его сверху своими молочными струями, и он плыл в ее свете, как золотой истукан.

Листья деревьев казались вырезанными на фоне ночного неба. Соловей пел медленно, тягуче, томно, прислушиваясь к себе.

Мухаммуль Мулька осенила какая-то мысль. Он пробормотал:

— Как сказано в 14-й «суре»¹: «Глаза неверного не осквернят женщины».

Шаг за шагом мы, пройдя сад, поднимались по лестнице, ведущей в дом. Зала следовала за залой. Большие колонны терялись во мраке, стены исчезли, тишина не нарушалась шумом шагов, тонувших в коврах необычайной толщины.

Глава VIII

ТАНЦОВЩИЦА ИЗ БАЛХА

Подойдя к громадному сюзанни², натянутому на раму, где живые охотники застыли в вечной погоне за тигром, он надавил на какое-то место в стене. Через открывшийся проход мы прошли на маленький дворик, куда выходило много дверей. В середине его на возвышении журчал фонтан. Нас встретил толстый евнух с одутловатым лицом. Его

¹ Сура — глава. Здесь имеется в виду изречение из священной книги мусульман, Корана. Коран содержит в себе поучения, законы, легенды и т. д. и разделяется на 114 сур или глав.

² Сюзанни — восточный гобелен. Гобелены — это ковры и тканые обои из шерсти или шелка с цветными художественными изображениями.

заплывшие глаза не отражали никакой мысли, красная привязанная борода сияла, как медный таз. Он поклонился, прижимая руки к груди и приседая.

Мухаммуль Мульк сказал тихо несколько слов. Евнух хлопнул в ладоши. Слуги вбегали, поспешно сбрасывая туфли у порога. Замелькали зажженные свечи. Несли подушки и ковры. На громадных серебряных подносах подавали фрукты, шербет, зеленый чай, жареный миндаль.

Двери открывались одна за другой и оттуда выходили женщины, усаживаясь в полукруг. В темноте блестели большие черные глаза, раздавался сдержанный шепот и смех. Розовые, голубые, оранжевые шальвары были похожи на вздувшиеся цветные пузыри, оттеняя миниатюрность ног с окрашенными в красный цвет ногтями.

За полукругом сидели еще несколько женщин, закутанных в темные покрывала. Раздался резкий и дрожащий звук гонга, в него вливался напев флейты. Подчеркивая темп, надрывалась тара. Женщины вскочили все разом и понеслись, изгибаясь одна за другой в хороводе, образуя в середине пустой круг. Темп музыки становился все быстрее, движения танцовщиц стремительнее. Их волосы, заплетенные в десятки мелких косичек, развевались по воздуху, маленькие ноги мягко ударяли по ковру; они вскрикивали в такт танцу.

Неожиданно из сидевшей сзади группы вытянулась фигура, как стрела. Женщина одним движением сбросила покрывало на руки прислужниц и выдвинулась в полосу лунного света. Гордый и прямой профиль ее был освещен сиянием голубых глаз. Гладко причесанные волосы, стянутые блестящим обручем, кончались тяжелым пучком, который свисал, как золотистая кисть винограда. Руки, гибкие и сильные, были вытянуты вперед. Голое тело обтягивал жилет золотого шелка, глухо застегнутый, с вырезом в форме сердца, и обе обнаженные груди выдавались вперед острием сосков. Она согнула колени полных и длинных ног и одним упругим прыжком очутилась в середине круга.

Ее танец был прост: на фоне беснующейся карусели женщин она только сгибалась и разгибалась тело ритмическими

движениями. Казалось, что натягивалась тетива лука.

Зачарованный, я спросил:

— Откуда эта женщина?

Мухаммуль Мульк, не отрываясь глазами от танцовщицы, сказал:

— Она из племени хезарийских бактриан, из страны Балха. Они ходят с открытым лицом и во всем равны мужчинам. Они происходят от греков или юнани, оставленных великим Зюль-Карнейном-Двурогим, которого вы называете Александром. Вспомни 18-ю суру Корана, где говорится: «Тебя спрашивают о Зюль-Карнейне? Скажи, и я прочитаю

тебе повесть о нем».

Когда вернутся посланные мной люди, ты выедешь в Балх. Только это племя в состоянии сделать то, ради чего ты приехал сюда.

Глава IX

ПОСЛАНИЕ СОВЕТА ТРИНАДЦАТИ

Прошел месяц с того дня, когда впервые я увидел женщину из Балха — танцовщицу из гарема Бужнурского хана.

Когда она кончила танцевать и замерла в середине круга в гордой позе статуи, женщины набросили на нее покрывало-фереджу. Тотчас же Мухаммуль Мульк поднял руку, и старший слуга вышел вперед, ожидая приказаний.

— Наш гость устал, — сказал хан, — проведите его к себе. Я надеюсь, — прибавил он, поворачиваясь ко мне с легким поклоном, — что вы не в претензии на меня за скромные развлечения, которыми я старался рассеять вас в вашем невольном уединении. Разве можно сравнить забавы Парижа и Лондона — великих очагов европейского искусства, — со скромными талантами танцовщиц в деревенском доме бедного перса?

Я вспомнил, как тысячи людей упиваются кривлянием Чарли Чаплина, как они целыми днями вертятся в фокстроте под звуки негритянской музыки, как голые и пьяные проститутки танцуют на столах в кабачках Монмартра¹ — и покраснел. В его словах была ирония более страшная, чем удар по лицу.

Факел в руке слуги освещал мне путь до зала.

Когда за моей спиной послышался шум задвигающе-

¹ В Париже на Монмартре расположены всякого рода ночные рестораны и кабачки для веселящейся буржуазии.

гося экрана, я стал бродить по залам, покрытым коврами, между белеющих колонн, всматриваясь в сумрак ночи.

Этот дворец когда-то был летней резиденцией Абу-Саида Хератского¹. Здесь пел свои стихи Джами, окруженный плеядой блистательных поэтов, восхищая ехавшего в Тебриз к персидскому государю Узун Гасану² посла светлейшей Венецианской республики Амвросия Кантарини³.

Я подошел к открытому окну. Луна обильно поливала сад. За глиняной высокой стеной виднелось затопленное рисовое поле. Из воды две змеиных головы возвышались и покачивались, как стебли лилий. В саду слышно было падение созревших плодов. Цветочные поля, бассейны, темнеющие пятна деревьев, дом и весь мир покрывал звездный колапс неба....

На другой день меня вызвали к хану. Он сидел на возвышении в большом зале. За ним стояли старший назир⁴, начальник конвоя и секретарь — хитренький мулла с седеющей бородкой, говоривший нараспев, пересыпая фразы арабскими словами, цитатами из персидских поэтов и Корана. Слуги, одетые во все белое, дергали за шелковые шнуры, приводя в движение большие опахала.

Три человека стояли лицом к хану. Средний выдвинулся на два шага вперед. Это были горцы в платах из верблюжьей шерсти, с винтовками в руках, в походных чалмах, концы которых спускались на подбородок, закрывая нижнюю часть лица. Их ноги были обуты в сандалии. Кожаные бинты обтягивали икры до колена.

Мухаммуль Мульк протянул секретарю письмо — узкую

¹ Султан Абу-Саид Хератский из рода Тимуридов (1452-1469 г.).

² Узун-Гасан Белобаранный (1467-1476 гг.) — объединитель всего западного Ирана с частями Армении и Грузии.

³ Амвросий Кантарини — выдающийся политический деятель 15-го века. В 1474 г. посылался через Польшу для вооружения Персии, Польши и России против турок. В 1477 году, возвращаясь из Персии, был принят Иоанном III в Москве.

⁴ Назир — министр, главный управляющий.

и длинную полоску желтого пергамента:

— Читай.

Секретарь поднял бородку кверху, сожмурил хитрые глаза и начал читать нараспев, делая паузы между фразами, раскачиваясь и приподнимаясь на носках:

— «Нежному, изящному, грандиозному, величественному Мухаммуль Мульку.

Да будет вечным его высокое счастье.

В бесконечной пустыне потерянных слов письмо друга — радость.

Несчастья надвигаются со всех сторон и доходят до гор, за которыми скрывается наша страна.

Святая Бухара (Бухара-и-Шериф) в огне. Дикие локайцы¹ спустились с высоких яйл² и воюют со всеми и грабят всех. Джемшидские³ ханы бродят, как шакалы в поисках добычи. Целые племена заполняют все дороги, отыскивая для себя новые места.

Поэтому Совет бактриан и кафиров⁴, опираясь на богов и свою волю, выбрал наиболее славных бойцов и закрыл все горные проходы из Бактрии и Балка в Кафиристан⁵. Мы слышали, что человек, о котором ты говоришь, по имени Энвер, считает себя великим и воюет с русскими, но никто не знает, откуда он и чем велик, мусульманин или кафир.

Ни один кафир не покинет сейчас своей земли, но если твоему другу нужны воины, пусть приедет сюда. Здесь много джемшидских племен. Пусть выберет одно из них.

Поручаю тебя Имре.

Старший из Тринадцати».

¹ Локайцы — горное племя в восточной Бухаре.

² Яйла — горный хребет с плоской поверхностью.

³ Джемшиды — бродячее племя на восточных границах Афганистана.

⁴ Кафир — точный перевод — неверный, т. е. не мусульманин.

⁵ Кафиристан — страна неверных, не мусульман.

Секретарь окончил чтение и, свернув пергамент, передал его с поклоном Мухаммуль Мульку.

Хан повернулся к гонцам:

— Откуда вы?

— Мы живем между Бактрией и Кафиристаном и подчинены племени сия-пуш, то есть чернокафтанников. Мы мусульмане так же, как и ты, и поэтому никогда не имели доступа в их страну. Письмо было доставлено нашему хану, и тот послал нас к тебе. Два месяца длился путь. Четыре раза умирали кони. Нас было десять — осталось трое. На нас нападали джемшиды, локайцы и афганские солдаты. Мы попадали под снежные обвалы и умирали от жажды в пустыне. Кто знает, дойдем ли мы назад?

— Дайте им зеленого чая, — сказал Мухаммуль Мульк и медленно пошел к выходу мимо склонившихся горцев.

Этот день и следующие за ним прошли в совещаниях с Мухаммуль Мульком.

По его сведениям, по целому ряду причин восстание Энвер-паши будет подавлено очень скоро, если не будет помощи. Эта помощь может быть оказана кафирами — племенем малоизвестным и совершенно самостоятельным. Их Совет Тринадцати часто оказывал хану услуги в различных делах в восточном Афганистане и Бухаре.

Ни один европеец, кроме Робертсона, побывавшего несколько дней в Кафиристане, ничего не знает о кафирах и никогда туда не проникал.

Предполагают, что к кафирам ушли греки, когда Балх и Бактрия были завоеваны сначала саками¹, а потом монголами. Неизвестен также и их язык, но, по-видимому, правящие лица знают несколько языков и, судя по их переписке с ханом — персидский.

Наконец, мы решили. Я отправляюсь через Балх и Бактрию в Кафиристан и туда же будет вызван Энвер-паша. Кроме этого, я посылаю извещение о своем выезде в английское посольство в Багдад. Находящаяся при мне поход-

¹ Саки — дикие племена германского происхождения, завоевавшие Средн. Азию до прихода монголов.

ная радиостанция позволит мне иметь связь с Индией: Кафиристан в восточной своей части примыкает к Читралу¹.

Мое почерневшее от солнца лицо и прекрасное знание фарси² вполне подтверждают находящийся при мне паспорт персидского купца Абдул Гасим-хана.

Глава X

НЕ СТРОЙ ПЛАНОВ О ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ

Вчера мы выехали из Люфтабада.

Мухаммуль Мульк в сопровождении слуг и приближенных проводил меня до ворот дворца. За ними стояли кони моих спутников, выючные лошади и среди них громадный, черный, как вороново крыло, карабаирский жеребец в серебряной упряжи. Это был подарок хана.

Мухаммуль Мульк подошел к коню и погладил его по выгнутой мускулистой шее. Конь оскалил зубы и заржал победно, дробя передними копытами землю, раздувая розоватые ноздри и скосив умные глаза.

Хан повернулся ко мне.

— Этот конь хороший товарищ в пути. Вы едете в далекую и неизвестную страну навстречу опасностям для того, чтобы переносить беспокойные планы вашей страны на весь мир. Но к вам лично я почувствовал симпатию и, если понадобится помощь—вспомните обо мне.

Мне было грустно. Я знал, что он прав, но я не мог ему сказать, что я сам только игрушка в руках той банды, которая управляет величайшей империей мира.

На афганской границе часовые движением винтовок остановили наш караван. Вышел капитан, босой, в туфлях, но в круглой шапке с серебряным гербом и в мундире.

¹ Читрал — горный перевал и крепость в Индии.

² Фарси — туземное название новоперсидского языка.

Он опросил каждого из нас и вернулся к своему чилиму¹ на ковер перед палаткой.

Тогда мы сразу свернули с довольно широкой и ровной дороги в горы.

Ночь нас застала в пещере. Я лежал на кошке перед костром; три горца, раскачиваясь, пели песню на языке, сродном с пушту. Там были слова:

«Не строй планов о завтрашнем дне. Уверен ли ты в том, что сможешь кончить фразу, которую начнешь?

Может быть, завтра мы будем далеко от этого очага, уже похожие на тех, кто ушел семь тысяч лет назад».

¹ Чилим — длинная трубка, в которой дым очищается, проходя через воду.

Я потерял всякое представление о времени. День уходит, приходит другой, похожий на него.

Пейзажи однообразны в своем великолепном разнообразии. Иногда мы продвигаемся среди снегов, покрывающих горные вершины, иногда среди скал, под которыми бесконечные расстилаются леса.

Однажды, стоя на скале, я видел черных пантер — самца и самку. Это гладкие, блестящие, большие кошки, до смешного похожие на лондонских котов — любителей гулять по крышам. Она каталась, мяукая и соблазняя его грациозными позами. Он стоял, подняв хвост трубой, смотрел на нее своими янтарными глазами и временами рычал от восхищения и страсти.

В другой раз на моих глазах стрелой по краю скалы над самой пропастью промчался джейран¹. Я думал, что это он делал из удалства, от упоения избытком своих сил. Я ошибся. Кондор черного цвета, с белым воротником и красной шеей, упал на него перпендикулярно, как стрела. Некоторое время джейран еще бежал по инерции с вцепившимся в него крылатым всадником; потом кондор начал взмахивать крыльями и вместе со своей жертвой, отделившись от земли, медленно поплыл в воздухе.

Под нами Герат. Необозримое пространство покрыто белыми квадратами плоских крыш. Среди них восемь минаретов необычайной вышины восемьсот лет отражают солнце на своей эмалированной поверхности. Они выложены мозаикой, равной которой нет в мире. Рядом с ними, среди кедров, белеет мрамор ограды — здесь похоронен Джами².

Но мы, не останавливаясь, двигаемся дальше.

¹ Джейран — горный козел.

² Джами — последний великий персидский поэт и ученый. Умер он в 1492 г.

Глава XI

НА РАЗВАЛИНАХ БАЛХА

Мы проехали Меймине и приближаемся к Мазар-и-Шерифу. Пейзажи меняются беспрерывно. Они грандиозны, как в сказках, и романтичны, как в балладах. Скалы — громадные белые куски мела или гранита — покрыты мхом и снегом. Их вершины теряются в тумане, а подножья украшены зеленью кедра и березы. Под ними пропасти переходят в долины, где растут маслины, зреют виноград и гранаты и вечно зеленеют дубы. Водопады, как пущенная из сифона струя воды, шипят, орошая пеной мир, лежащий внизу.

Над пропастями переброшены простые бревна, настолько широкие, что умный конь, осторожно перебирая ногами, отыскивая равновесие, медленно переходит на другую сторону.

У такого перехода я встретил первую группу хозарейских бактриан.

Впереди ехала женщина на большой и злой кобылице. Волосы наездницы были зачесаны гладко и свисали пучком. Вся верхняя часть тела была обнажена до живота. Она была в темно-синих шальварах и золотых туфлях на босую ногу. Загнутые носы туфель упирались в стремя. Меня поразила непомерно малая величина ступни. Поперек седла она держала винтовку. За ней ехали несколько горцев, по виду мало отличавшихся от моих спутников.

Женщина и всадники скрылись за поворотом скалы.

Итак, вот что осталось от Балха.

Когда-то здесь была наружная стена окружностью в сорок верст и такой ширины, что несколько колесниц разъезжались совершенно свободно. Висячие сады, изобретенные в Ване царицей Семирамис в безуспешной попытке пленить армянского царя Ару Прекраснейшего, были здесь в моде. Весь город состоял из висячих садов и дворцов. Среди них выделялся дворец царя из белого мрамора, отделанный внутри черным деревом с золотыми инкрустациями.

Бактрия и Балх были царством шелка. Во времена их расцвета секрет фабрикации шелка знали только китайцы. Во всем остальном мире думали, что он делается из растения, подобного льну. Поэтому все человечество могло закупать шелк только в Китае, а оттуда он вывозился через Балх.

Китайцы для ограждения секрета происхождения шелка совершенно закрыли границы своего государства. Их купцы под конвоем выезжали в нейтральную зону между Балхом и Северным Китаем и, оставляя в ней груды шелка, возвращались назад. Тогда бактриане привозили на это же место другие товары и увозили шелк.

Обе стороны никогда не видели друг друга.

В этой стране Александр Македонский нашел никем не превзойденную женщину — Роксану, — дочь бактрийского царя Оксирта. Она коварно убила другую его жену Статир, но сама попала в плен к Кассандру¹, который ее казнил.

Отсюда греки двинулись в Индию и заняли берега Кабула и Инда.

Все это вспомнилось мне в тот момент, когда мой карабаирский конь пощипывал трапу около обрубка белого мрамора на площади, окруженной жалкими домами. Этот обрубок мрамора был тронем грозного Кира² во время народных празднеств.

Глава XII

ВПЕРЕД К НЕИЗВЕСТНОСТИ

Мы все дальше углубляемся в горы, и скоро, как говорят мои спутники, «наступит конец земли».

¹ Кассандр — македонский военачальник. В борьбе за власть убил мать и жену Александра Македонского. В 326 году принял царский титул.

² Кир — царь персидский.

Как когда-то китайцы никогда не видели своих соседей-бактриан, так теперь никто не видал кафиров.

Их отделяют от остальных людей совершенно непроходимые для посторонних горы и узкая зона; всякий попадающий в нее бывает убит. В этой зоне, недалеко от становища моих горцев, есть выложенная из камней хижина, где я буду оставлен на ночь с письмом Мухаммуль Мулька.

Что будет дальше — неизвестно.

Сегодня мы подошли к «краю». Это отвесная пропасть. По ее отлогим краям тянется тропинка, теряющаяся в груде камней. Я вынимаю три мешочка с золотом и отдаю их своим спутникам. Потом беру под узду своего карабаира и начинаю спускаться. За ним, бряцая цепями выюков, идут еще четырнадцать лошадей, нагруженные поклажей.

Тропинка становится все круче, камни осыпаются под моими ногами. Я начинаю скользить, оборачиваюсь и вижу ужас, страх перед смертью в глазах лошадей. Я почти падаю на камни. Наседая друг на друга и скользя, надвигаются лошади. И вдруг я вижу, что тропинка вьется вокруг самого большого из камней. За ним — широкая площадка, на ней — грубая хижина, выложенная из крупных камней. Беру лошадей под узду и по очереди перевожу на площадку.

Перед домом стоит стойло с кольцами. Привязываю лошадей и снимаю у одной из них мешок с сеном и курдюк с водой. Потом поворачиваюсь и вхожу в дом; пустая каменная комната, стены ее покрыты мхом. Выхожу, осматриваюсь и замираю, пораженный: дальше никакой дороги нет. Вся площадка окружена непроходимой пропастью. Есть путь назад, но едва ли можно пройти вперед.

Уже темнеет, возвращаться нельзя, надо ждать рассвета.

Глава XIII

«ЧЕРНОКАФТАННИКИ»

В этот вечер я понял относительное значение денег и абсолютную ценность вещей.

Походная газовая лампа, с необычайной яркостью осветившая хижину, банка с сухим спиртом, в несколько минут разогревшая консервы и кофе, и походная кровать — сделали после утомительного перехода мой ночлег приятным.

Я заснул, докуривая трубку и читая книгу Джона Шекспира «Введение в грамматику индийских наречий». Меня разбудил шум человеческих голосов. В светлом четырехугольнике двери — по-видимому, солнце было уже высоко — стоял человек не менее семи футов ростом. Он был одет в черный кафтан из козьих шкур и подпоясан широким ремнем, за которым торчал кривой нож. На голове его был кожаный шлем, на ногах — такие же выше колен сапоги. Правой рукой он опирался на дуло винтовки.

Привстав на кровати, но не слезая с нее, я медленно полез под подушку, отыскивая ручку маузера. Меня остановил звук его голоса.

Он говорил из языке, сродном с пушту и имевшим много санскритских¹ слов. Но в то время, как в санскрите грамматические отношения строятся на изменении окончаний в зависимости от падежей, лиц и времен, у него фразы менялись путем приставки разных частиц перед одними и теми же словами. В этом язык был сходен с новоиндийскими языками.

С громадным напряжением я старался понять, что он хочет сказать.

По-видимому, он приглашал меня выйти и в то же время требовал письма.

¹ Санскритский — древний язык индусов.

Я встал, натянул дорожный костюм и сапоги и передал ему письмо Мухаммуль Мулька. Один за другим в хижину вошли еще пять таких же чернокафтанников и еще несколько возились во дворе с лошадьми. Они оживленно разговаривали между собой и рассматривали мои вещи, впрочем, без особого удивления.

Тем временем, я приготовил кофе, выпил его и, закулив, хотел было складывать вещи, когда человек, вошедший в хижину первым, остановил меня движением руки. По его знаку в комнату вбежали несколько человек и поспешно начали выносить и нагружать на лошадей мои тюки.

Эти люди были меньше ростом, плосконосые, темнолицые, в сандалиях и в одежде из звериных шкур, стянутых у пояса тонким ремнем. Чернокафтанники с их светлыми волосами, глазами и прямым профилем были великанами в сравнении с ними. Они стояли и только наблюдали за работой плосконосых, раздавая пинки наиболее неповоротливым.

Когда я вышел из хижины, вся площадка была заполнена лошадьми; их было 25 — пятнадцать моих и десять лошадей чернокафтанников. Последние были совсем особенной породы — маленькие горные лошадки, очень крепкие и подкованные особыми шипами. Плосконосые люди выстроились и пошли пешком, по двое около каждого всадника.

Мне завязали глаза, и мы двинулись в путь.

Когда повязку сняли, я увидел, что мы находимся на высоте пятнадцати тысяч футов. Нельзя себе представить некоторых горных перевалов, настолько они высоки и недоступны. Переходить их можно только несколько недель в году — в остальное время они закрыты. Вся местность, которую мы проходим, состоит из гор и отдельных речных долин и ущелий, совершенно друг от друга обособленных.

Мы двигаемся, по-видимому, самыми короткими путями, мои спутники очень спешат и не хотят проходить через населенные места. Только один раз мы проехали через какую-то деревню. Она состояла из двух и трехэтажных домов и была населена тоже чернокафтанниками. Мужчины ничем не отличались от моих спутников, женщины были оде-

ты в грубые, греческого типа шерстяные туники, перетянутые у пояса шнуром с кистями красного цвета. На головах у них были четырехугольные черные шапочки. Они такого же крупного роста и в большинстве очень красивы — это блондинки с большими светлыми глазами.

Во всей деревне не было ни одной собаки. Вместо них на цепочках водят гепардов.

С каждым днем пейзаж меняется. Мы начинаем спускаться вниз. Вместо огромных скал, покрытых мхом, снеговых гор, ледников и бурных потоков мы попадаем в хвойные леса, вечнозеленые кустарники и нередко кочуем под сенью каштановых деревьев. Чувствуется приближение какой-то иной культуры. Еще вчера мы перебирались над горными потоками и пропастями, по перекинутым через них бревнам. Сегодня мы встретили первый мост. Он был построен по принципу арки и выложен громадными плитами, соединенными между собой свинцом. Под ним с оглушительным ревом неслась горная река. Мне кажется, что это была река Прессун, приток Кунара, впадающего в Аму-Дарью.

Глава XIV

У ВЕЛИКИХ ВРАТ

На двадцатый день после выезда из Балха мы ехали среди сплошных виноградных кустарников. Они перемежались с оливковыми деревьями. Мы находились в ущелье, расположенном на уступах гор и открывавшем вход в долину.

Ущелье все суживалось и замыкалось естественной аркой. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что в арку вделаны громадные чутунные ворота. На их полированной поверхности играли солнечные блики. К воротам был прибит круглый блестящий диск из белого металла и молоток на цепочке.

Старший из моих спутников подъехал и три раза ударил молотком о диск. Раздался звук, похожий на удар гонга, и в то же мгновение середина диска отъехала в сторону. Это был глазок. Правая половина ворот медленно стала открываться, обнажая абсолютно темное пространство входа. Меня подтолкнули вперед и я въехал в темный туннель. За мной цокали копыта лошадей. Оглянувшись, я увидел, что спутники мои остались за воротами. Когда последняя принадлежащая мне лошадь, звеня цепями яхтанов, въехала внутрь, ворота закрылись.

Кто-то вел под узду моего коня, но в темноте не было ничего видно. Неожиданно раздвинулись вторые ворота, открывая вход в новый невиданный мир. Перед моими глазами стелилось, как дорожка на скатерти, ровное прекрасное шоссе, обсаженное с боков стройными остроголовыми кипарисами. По обоим сторонам дороги золотились квадраты полей. Как море, колыхались тяжелые колосья пшеницы. Как кровь переливается в артериях по телу, так вода по каналам прорезала эти поля, журча и отражаясь на солнце. Васильки, незабудки, колокольчики разноцветными пятнами покрывали все пространство. По ним ползали жуки, над ними порхали большие яркие бабочки.

Я стянул поводья коня, вдыхая запах полей, охваченный таким полным чувством ощущения природы, какого никогда не испытывал.

Чья-то тяжелая рука легла на мое плечо. Рядом со мной я увидел всадника. Это был гигант даже по сравнению с чернокафтанниками, а те были не менее шести с половиной футов ростом. У него было бритое лицо с крупными, правильными чертами. Светлые глаза смотрели приветливо. Он улыбался немного иронически. На голове блестел шлем с хоботом, выдававшимся вперед. Он был одет в тунику, накинутую на плечи в виде плаща, а на бедрах имел нечто вроде шелкового пояса. Он носил на ногах сандалии из кожи красного цвета. Туника и пояс были тоже красные. Его голое, бронзовое от загара тело переливалось мускулами под золотистой кожей.

Два всадника, стоявшие за ним, были одеты так же, но

во все серое, и имели при себе короткие карабины.

Красный всадник, не снимая руки с моего плеча, заговорил по-персидски, но очень неправильно и употребляя большое количество чистейших санскритских¹ слов.

— Я вас прошу следовать за иной. Нам придется проехать еще около двадцати верст до ближайшей станции.

— Я хотел бы сначала узнать, кто вы такой?

— Я состою при втором управлении.

— Что это значит?

— Вся страна управляется Советом Тринадцати. Каждый из членов Совета ведаёт какой-нибудь одной областью управления: военной, пограничных и внешних сношений, налоговой и так далее. Я состою во втором управлении внешних и пограничных сношений и занимаюсь делами северной границы и примыкающих к ней стран.

— Но разве вы имели сведения о моем прибытии?

— Мы получили письмо Мухаммуль Мулька.

— Какое отношение может иметь Бужнурскии хан к Кафиристану, отделенному от него целой страной?

— Мухаммуль Мульк связан с отделом военного снабжения, так же как и с отделом внешних сношений.

Разговаривая таким образом, мы скакали по гладкому шоссе между двумя рядами кипарисов.

Через час мы подъехали к одноэтажному четырехугольному домику, на крыше которого был разбит сад. Из него вышел бритый человек в серой тунике и заговорил с красным всадником. Я не мог понять ни одного слова из их речи. Это были странные мяукающие звуки, совершенно неуловимые для европейца.

После короткого разговора красный всадник предложил мне войти в дом и, пройдя через первую комнату-залу, выложенную белым камнем, с бассейном в середине, мы поднялись наверх — в сад на крыше.

Среди цветов расхаживали павлины, подметая своими чудесными хвостами усыпанные мелким красным гравием дорожки. Низкий каменный стол, такой знакомый по рисун-

¹ Санскритский — древний язык индусов.

кам триклиний¹, был заставлен блюдами. Посуда из металла, похожего на серебро, по-видимому, ручной работы, была украшена изображениями охоты и спортивных игр. Кажалось, что ее только что взяли из какого-нибудь европейского музея, где она лежала в отделе Древней Греции. Кувшины, наполненные вином, поражали строгой античностью² форм. Фрукты — гранаты, дыни, бананы — своими необычайными размерами говорили об изобилии страны.

Не успели мы сесть за стол, как человек в серой тунике принес красному всаднику пергаментный³ свиток, запечатанный шнуром с восковой печатью.

Я ясно различил, что вошедший, обращаясь к всаднику, часто повторял слово: «Джаст».

Развернув свиток и прочитав его, он повернулся ко мне:

— Мы поедем дальше, не останавливаясь.

— Куда?

— В Дир — столицу страны.

Я спросил, что такое «Джаст», и узнал, что это не имя, а звание, связанное с должностью.

Дорога, по которой мы ехали, была та же, что и раньше. Она была безлюдна и, по-видимому, предназначалась только для служебных целей и чиновников.

¹ Триклиний — у древних римлян так назывался квадратный обеденный стол с тремя низкими диванами для возлежания на каждом трех лиц. Этим словом часто древние римляне называли и столовую комнату.

² Античный — старинный, древний (относится преимущественно к художественным предметам древней Греции и древнего Рима).

³ Пергаментный свиток — письмо, написанное на пергаменте. Пергамент — обработанная кожа молодых телят (до 6 недель), баранов и др. Готовую кожу отделяют для ровности пемзой, предварительно натерев ее мелом. Пергамент отличается плотностью, гладкостью, белизной. До изобретения тряпичной бумаги пергамент служил вместо бумаги. Ныне употребляется для важных документов, для барабанов и т. д.

Глава XV

ДИЗАНА

Было уже совершенно темно, когда издали на фоне ночного неба стал вырисовываться силуэт громадной стены.

Перед самой стеной нас остановил широкий ров, наполненный водой. На другой стороне высились башни и ворота, такие же, какие я впервые увидел перед спуском в долину. Прозвучала труба и факелы замелькали на башне. Свет огня отражался на блестящих касках воинов. Они всматривались в нас с высоты башен. Потом послышался скрип и звон цепей: опускали мост. Мы въехали через ворота в ши-

ными плитами. Дома тянулись, примыкая один к другому — четырехугольные белые здания с садами на крышах. Стены их, выходящие на улицу, были глухими, с одной только выходной дверью. Сады поднимались в несколько террас, покрывая весь город сплошной зеленой шапкой.

У одного из домов мы остановились и сошли с коней. Джаст два раза ударил висевшим на двери молотком во вделанный в нее диск. Тотчас же двери отворились, и человек, по-видимому, раб, плосконосый, уродливый и небольшого роста, вышел со светильником в руке. Светильник был необычайной формы: он имел вид рыбы с ручкой; в брюхе ее зияла дыра, из нее вылезал горящий фитиль.

Мы вошли в первую комнату дома через узкий проход. Этот проход напомнил мне римский вестибулум¹, и это сходство усилилось, когда мы попали в первую комнату — типичный атриум² с бассейном в середине, в конце которого был таблинум, т. е. ниша, выложенная прекрасной мозаикой. В атриуме не было никакой мебели. От бассейна веяло прохладой и из середины его бил фонтан. Стены были покрыты фресками³, а пол составлен из мозаичных плиток довольно сложного орнамента⁴.

Я успел обратить внимание на странный рисунок фресок: там был изображен голый человек-колосс, сидящий за сбиванием масла в маслобойке из золотой козьей шкуры. Из шкуры стремятся выйти три женщины. Четвертая, появившаяся раньше, как будто плывет в воздухе, удаляясь. Над ней санскритскими начертаниями написано: **Бак-три-ана**.

Движение наполнило комнаты. Люди вносили тяжелые тюки, снятые с моих лошадей. Я с большим беспокойством

¹ Вестибулум — вестибюль, т. е. обширная прихожая, крытые сени. У римлян — открытое к улице пространство перед входом в дом.

² Атриум — сборный пункт древнеримского дома, где стоял очаг и куда примыкали все покои.

³ Фреска — стенная живопись водяными красками. Фрески — стенная живопись вообще.

⁴ Орнамент — живописные украшения зданий, мебели, пола и других предметов.

следил за ними — шесть яхтанов были наполнены частями радиостанции. Достаточно было одного неосторожного жеста, чтобы уронить груз и повредить некоторые аппараты.

Из атриума мы вышли в ряд комнат, расположенных по обеим сторонам узкого коридора. Эта были столовая, кабинет, спальня и другие комнаты, назначение которых я определить не мог.

Когда все вещи были внесены, Джаст распрощался со мной, пообещав навестить меня на другой день.

Я с нетерпением вошел в спальню, надеясь в первый раз заснуть под крышей после двухмесячного пути. Вся ее мебель состояла из мраморного ложа в глубине ниши, стоявшего перед ним круглого большого зеркала, которое держал на голове серебряный Аполлон¹, и высокого светильника-канделябра, сделанного в виде змеи, вытянувшейся в высь и извергающей из пасти пламя.

В комнате был небольшой бассейн-ванна, наполненный водой.

Я только что начал расстегивать пряжки своих походных ботинок, когда в комнату вошла женщина среднего роста, в белой тунике, подпоясанной белым шелковым шнуром. У нее было бледно-матовое лицо, гораздо светлее тех, которые я видел до сих пор; пробор, разделявший гладко причесанные волосы, горящие черные глаза и правильный овал лица. Туника несколько не скрывала ее упругого и стройного тела.

Я был так удивлен ее появлением, что замер, держа в обеих руках по длинному шнурку от ботинка. Она смотрела на меня и я на нее. Молчание становилось глупым. Я не знал не только, что сказать, но и на каком языке говорить.

Наконец, она заговорила на чистейшем санскрите, но с странными вводными частями — *он*, *ос* — и с переходом звуков *рс* и *тт* в *рр* и *сс*. Это было явное вмешательство аттического диалекта с его округленностью и законченностью форм и гибкостью синтаксических соединений. Это были осколки языка, на котором писали Ксенофонт, Пла-

¹ Аполлон — греческий бог красоты.

тон, Демосфен, Софокл и Аристофан¹ и который сделался при дворе Александра Македонского разговорным языком.

— Мое имя Дизана, а моя обязанность — вас развлекать и ухаживать за гостем.

«И, по-видимому, следить за мной», — подумал я.

— Хорошо. Приходи завтра, я хочу с тобой поговорить.

Она помедлила немного, потом улыбнулась я вышла.

Я разделся, влез в ванну и заметил, что вода в ней втекала и вытекала непрерывно, в то же время держалась на одном уровне. Вода меня разморила, я почувствовал, как меня охватывает сон и, добравшись до своего довольно твердого ложа, сразу заснул.

Я начал просыпаться от странного ощущения. Неясное сознание чьего-то пристального взгляда и каких-то прикосновений заставило меня открыть глаза.

Я увидел перед собой очень близко наклонившееся лицо Дизаны. Она смотрела на меня прямо в упор своими большими черными глазами, держа мою голову в своих ладонях. Ее дыхание меня обжигало. Я испытывал одновременно желание крикнуть на нее, рассердиться и не отпускать, сжать в объятиях. Действительно, от этой женщины исходила могучая сила женского тела, аромат молодости и обаяние необычайной красоты.

Осторожность пересилила желание.

Я привстал. Она отодвинулась медленно на край постели.

— Зачем ты это делаешь? Кто тебе позволил сюда войти?

— Ведь ты же сам мне сказал, чтобы я пришла завтра. Сейчас уже день.

А потом она замялась:

— Я должна тебе понравиться, иначе зачем я буду нужна?

Я начал ее расспрашивать, и то, что она рассказала, было очень интересно.

Она была рабыня из племени Вай. Оказывается, все рабы делились на три категории: первая категория была про-

¹ Великие философы, поэты и ученые Греции.

сто рабочей силой. Во второй категории были так называемые рабы удовольствий — сюда относились женщины очень красивые и обученные музыке и танцам. И, наконец, к третьей, высшей категории, принадлежали выдающиеся люди, захваченные во время войны: крупные военачальники, главы целых племен, техники-строители.

Только первые две категории продавались и покупались. Рабы третьей категории находились в распоряжении государства и ничем не отличались в смысле прав и своего внешнего вида от остальных жителей.

Дом, в котором я жил, принадлежал государству, но обычно был пуст. Только накануне моего приезда были присланы сюда дворцовый чиновник, несколько слуг и Дизана.

Обычно она среди нескольких сот других женщин состояла в гареме «Тринадцатого». О Тринадцатом Дизана говорила со страхом. Он один управлял всем государством, двенадцать остальных старшин были подчинены целиком ему. В его лице совмещалась и исполнительная и законодательная власть. Но, очевидно, и сам Тринадцатый подчинялся какому-то высшему лицу. Что это за лицо — нельзя было понять. Каждый раз, когда о нем заходил разговор, Дизана начинала бледнеть и просила меня прекратить разговор, говоря, что нельзя раздражать «Имру».

Имра считается богом-создателем, и это лицо, раз оно с ним связано, должно обладать тоже божественными свойствами.

На религии кафиров, так же, как и на всем укладе жизни, ясно отпечатано влияние греков, пришедших сюда из Балха и создавших здесь новое государство. Зевс¹ — превращен в Имру, Марс² — в Гиша, Венера³ — в Дизану.

¹ Зевс — главный бог древнегреческой религии. Первоначально был богом света, ясного неба, затем царь всего мира, отец богов и людей, хранитель правды и порядка, государственной и семейной жизни.

² Марс — бог войны.

³ Венера — богиня весны, садов, произрастания и расцвета, богиня красоты и любви.

Я попробовал ее расспросить о других странах, о Бухаре, об Афганистане, об Индии. Она не имела о них никакого представления. Ее мир замыкался узкими стенами города, за которыми были долины и дальше цепь гор, а за нею неизвестный мир.

И все же это была женщина, обаяние которой могло соперничать с прелестью наших леди, всю жизнь разъезжавших по свету в салон-вагонах и с бедекером¹ в руках.

Глава XVI

СОВЕТ ТРИНАДЦАТИ

Испытывали ли вы когда-нибудь восхищение человеческим гением, сознание того, что мысль человека побеждает все — стихии, пространства, время?

Когда последняя часть радиостанции, установленной на крыше, была собрана и я, одев наушники, начал вызывать в бесконечном земном эфире Пешавер, я испытывал радость от мысли, что здесь, в горах, в пределах таинственного государства, неизвестного миру, я один могу, как сказочный бог, сноситься со всей вселенной.

— Пешавер, Пешавер, Пешавер, — уносились слова в пространство. — 305B, 305B, вызывает 305B.

Минуты казались годами. Кровь застывала в жилах. В виски ударяла кровь.

— Пешавер — 305B вызывает Пешавер, 305B.

Мотор дрожал, сотрясая дом эпохи эллинов, издавая неведомый здесь и тревожный гул. Искры на мачте зажигались и тухли в темноте.

Внизу была земля, по которой не ступала нога европейца. Человек завоевал, прежде всего, землю, потом море,

¹ Бедекер — так называются путеводители по всем главным странам мира.

потом воздух. Но по этой земле никогда не ходила нога человека иного племени.

А в воздухе, — воздух был наполнен звуками. Они блуждали, как тени, сталкивались, перебивали друг друга.

— ...Кушка... говорит Кушка... вызывает Кабул полпреда... Дели, Дели, Дели вызывает Лондон.

— Слушайте башню Эйфеля... Говорит башня Эйфеля. Вчера...

Но Пешавер молчал. Пешавера не было.

Может быть, моя станция испортилась, передача невозможна. Я буду слышать весь мир, но не смогу передать ни одного слова. Тогда...

— Пешавер слушает 305Y, слушает 305Y...

Длинные ряды цифр уходят в пространство. Наконец, все. Последняя фраза — «Ответа жду завтра в 12 часов» — передана и я снимаю шлем.

Какой-то звук заставляет меня обернуться. Среди деревьев сада-крыши у самой лестницы, идущей вниз, стоит Джаст. Сзади него, испуганная, жмется Дизана.

— Что это такое? — спрашивает он.

На его лице нет ни тени страха. Оно полно напряженной мысли и сосредоточенного любопытства.

— Это машина смерти, — говорю я серьезно.

— Мне это не кажется. Впрочем, я полагаю, что мы сумеем определить ее назначение. Я пришел не за этим. Я должен доставить вас в Совет Старейшин. Поторопитесь.

Я спускаюсь, указав ему на необходимость отдать распоряжение, чтобы никто не прикасался к аппаратам.

Внизу нас ждут несколько всадников с конями. На них флажки голубого цвета. Двое людей держат под узды большого белого коня в отделанной золотом сбруе. Джаст указывает мне на него рукой. Я сажусь. Конь вскакивает на дыбы, потом прижимает зад и дергает мордой. Но я натягиваю поводья, почти разрезая ему губы.

Мы мчимся за копыеносцами.

Мелькают люди. Какая-то женщина роняет кувшин с вином — туника спала с ее плеча — она смотрит вслед удивленными глазами на меня.

Мы пролетаем через базар, усеянный человеческим муравейником, и огибаем стадион. Я невольно сдерживаю коня. Круглый стадион, расходящийся радиусами от середины, занятой трибуной, со всех сторон окружен народом. Несколько сот обнаженных девушек, опоясанных лишь узкой повязкой, под лучами горячего солнца занимаются гимнастическими упражнениями.

Как будто ветер склоняет стройные деревья, так ритмически раскачиваются молодые тела.

За стадионом видна стена и в ней ворота, охраняемые стражей.

Воины-гиганты в блестящих шлемах, в набедренниках и латах, сжимают винтовки, такие смешные на фоне их одеяния.

Прямо от ворот начинается лестница, ведущая к дворцу — громадному зданию, выложенному снаружи блестящими плитками цвета лазури.

Один из солдат берет коня. Я поднимаюсь, сопровождаемый Джастом, по лестнице и вхожу в первую залу. Пустая и круглая комната выложена плитами черного мрамора. В середине ее стоит нефритовая ваза.

Здесь царствуют холод и тишина.

В глубине видна арка, затянутая занавесом из черного бархата.

К нам выходит молодой человек. Его лысый череп, бритое тонкое лицо, мягкость жестов и голубая туника — все вместе создают впечатление коварства, смешанного с умом. Он не идет, а скользит по мраморному полу, и туника его развевается, как крылья птицы.

Он делает жест, потом другой и на чистейшем фарси говорит:

— Прошу вас.

Черная портьера отодвигается, и я вижу громадную комнату, похожую на внутренность колокола, потому что ее суживающийся кверху купол теряется в вышине. Стены ее отделаны блестящей голубой эмалью, и от этого воздух кажется похожим на синеватый дым папиросы. Вдоль одной из стен полукругом расположены двенадцать сидений, раз-

деленных посередине тринадцатым — высоким деревянным тронм. На каждом сиденье по старцу в голубой тунике. В середине на троне совсем сухонький старичок в оранжевом одеянии с черной чалмой. У них всех длинные ярко-красные бороды, гладко выбритые головы и только на макушке нечто вроде косички.

Я стою, но, впрочем, не на чем и сесть. Центральный старичок поднимает руку, и молодой человек в голубой тунике быстро подходит и становится около него. Я оборачиваюсь — Джаст стоит у дверей в позе почтительного смирения.

Старичок говорит быстро и так, что нельзя уловить ни одного звука, но молодой человек почтительно кивает головой.

Старик кончил и зажевал губами, пристально взгляды-

ваясь в меня.

Молодой человек оборачивается ко мне и переводит:

— Тринадцатый просит вас подробно изложить, ради чего вы через Мухаммуль Мулька просили разрешения при-
быть сюда. Кто вы такой, из какого вы государства?

Я начинаю говорить. Я описываю могущество Великобритании, рассказываю о войне, которая происходит в Бухаре, и об Энвер-паше, и обещаю за каждую тысячу людей, посланных к нему Кафиристаном, деньги, оружие и благодарность его величества английского короля. В середине речи я останавливаюсь, и слуги вносят мой единственный подарок — это блестящий новенький пулемет Кольта, и вложенная в него лента стелется по мраморному полу залы.

— С этой машиной, — говорю я, — я берусь уничтожить сотню людей в несколько минут. Пятьдесят таких пулеметов удвоят могущество Кафиристана.

Старейшины начинают шептаться между собой. Наконец, Тринадцатый встает и начинает говорить. Чувствуя волнение, я поворачиваюсь к переводчику.

— Кафиры никогда не будут помогать мусульманам. Их не интересует ни Бухара, ни какое-либо другое государство. Но Совет Старейшин может выделить несколько племен, давно перешедших в мусульманство и живущих за линией гор между Кафиристаном и Балхом. Эти племена могут помочь Энверу, однако после того, как будет определена стоимость их участия в войне. За это Совету Старейшин должна быть выплачена вперед известная сумма в золоте и доставлено оружие, в том числе пулеметы и артиллерия. Их легко доставить через Читрал. Это ответ предварительный и требует санкции высшего лица в стране.

Переводчик кончил, но старик улыбнулся и прибавил еще несколько слов.

— Тринадцатый добавил, что для того, чтобы наш гость не заблуждался, ему нужно показать дворцовую пулеметную команду и артиллерийские казармы.

При последних словах переводчика старики встали, а Джаст попятился к выходу. Я молча поклонился и вышел за ним.

Глава XVII

РАДИОГРАММА ИЗ ПЕШАВЕРА

Сегодня из Пешавера получен ответ. От волнения во время приема у меня дрожали руки, я пропускал звуки и потом целый день просидел, расшифровывая депешу.

Вот ее текст:

— «А. 151. От уполномоченного Интеллидженс-Сервис при вице-короле Индии:

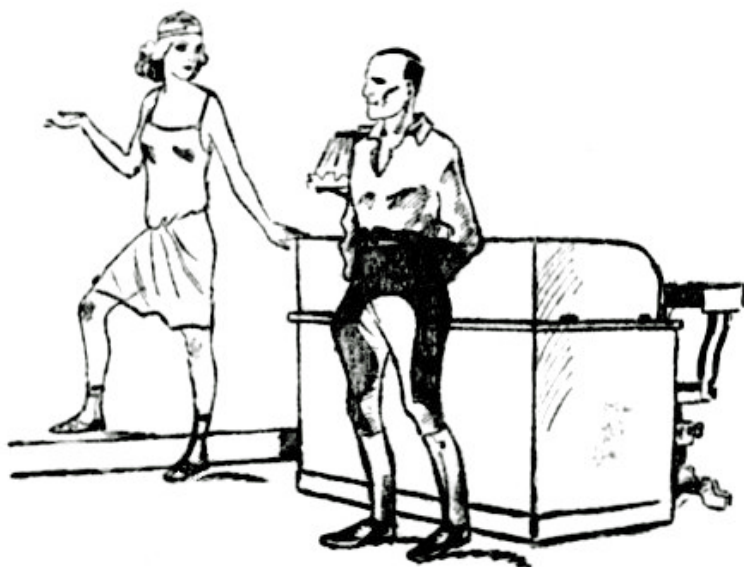
Мухаммуль Мулык, отношение которого нам последнее время и... ное невыясненной целью направил вас Кафиристан вместо восточного Афганистана, где ряд племен вашим руководством могли бы помочь Энверу точка Кафиры всегда воевали мусульманами и очень маловероятно их вмешательство бухарскую войну точка Кроме этого мы лишены всякой возможности оказать вам помощь случае осложнений точка Никто никогда кроме случайно заблудившегося Робертсона не был Кафиристане важнейшем подступе к Индии точка Поэтому вы не должны уезжать оттуда пока не составите подробнейшее представление этой стране точка Важнейшими вопросами являются военное состояние зпт пути сообщения и личность главы государства точка Разным источникам известно, что Совет Старейшин подчиняется высшему единоличному правителю точка Все важнейшее передавайте ежедневно шифровками точка Остальное записывайте подробно известным вам способом личного доклада точка Энверу и пограничным агентам послано сообщение вашего местонахождения. точка.

130 31 КЛЕЙТОН».

Когда я разобрал последнюю букву подписи, меня охватила усталость, пришедшая на смену возбуждению. С большим трудом мне удалось собрать и сжечь листки, заполненные цифрами. Что касается самого шифра, то он по-

мещается у меня в жилетном кармане. Это были часы с кругами на циферблате. По краю одного были расположены все буквы алфавита, а на другом против каждой буквы различные цифры. Если депеша начиналась словами «А 151», то я, нажимая готовку часов, заставлял вращаться второй круг и останавливал цифру 151 против буквы А. В соответствии с этим против каждой цифры стояла какая-нибудь буква алфавита. Оставалось в депеше числа заменить буквами и текст расшифровывался автоматически. Этот циферблат сверху был закрыт секретной крышкой в виде маленького зеркала.

Запах горячей бумаги еще стоял в воздухе, когда в комнату вошла Дизана.

Не знаю, под влиянием каких причин она сделалась грустной и держалась робко. Может быть, ею был недоволен Джаст: он, наверное, ожидал, что она будет давать обо мне более богатую информацию, — или ей было просто тоскливо в одном доме с чужим и странным человеком, совершенно непохожим на виденных ею до сих пор людей. Вначале

ее удивляло все: газово-калильная лампа с ее ярким светом, часы, разные приборы, книги, картинки в них, странный и шумный бог в виде радиостанции. Потом она перестала удивляться, и ее большие черные глаза стали светиться покорной грустью.

Я невольно подошел и погладил ее черные, гладко причесанные волосы. Она прижалась ко мне так, как прижимаются забитые и испуганные дети, когда их приласкают.

Ее мягкие и горячие губы прижались к моим и у меня не хватило решимости ее оттолкнуть. Ее ласки становились настойчивее, я почувствовал легкое головокружение...

А через полчаса она лежала, свернувшись в клубок, как кошка, у моих ног и повторяла одну и ту же фразу:

— Я никогда не видела таких людей, как ты. Разве все люди не похожи друг на друга? А какие бывают еще, не похожие на тебя?

Я заснул, отвечая на ее вопросы.

Утром в спальню вошел Джаст. Я не понимаю этой манеры кафилов входить друг к другу, не спрашиваясь, когда им вздумается.

Сознаюсь, что из-под одеяла рядом со мной выглядывал нос Дизаны. Впрочем, Джаст сделал вид, что не обращает на это никакого внимания.

— Что вам нужно? — спросил я довольно раздраженно.

— Я пришел передать приглашение на прием к «высшему лицу». Я заеду за вами в 12 часов.

До 12 часов могла быть передача из Пешавера и я попросил перенести свидание на более поздний час.

— Нет, — ответил Джаст, — это невозможно, и желательно, чтобы вы были не в дорожном костюме.

Вот как, подумал я, начинается придворный этикет. Впрочем, может быть, я еще успею принять депешу до беседы с этой загадочной личностью. Судя по старейшинам, наверное, это еще более ветхий старикашка с выкрашенной бородой.

Так и есть. Мне удалось принять довольно краткую депешу:

— «Положение Энвера почти критическое точка Требуются срочные меры точка Если обследование Кафиристана хо-

тя бы общих чертах закончено и вопрос реальной помощи Бухаре под сомнением — выезжайте востАфганистан.

КЛЕЙТОН».

Глава XVIII

БАКТРИАНА

Солнце делало мир похожим на рай. Сады, сплошной зеленой шапкой покрывающие колоннады домов, наполняли улицы цветочным ароматом. Люди улыбались, птицы пели, ручные звери — гепарды, кошки, пантеры — играли и валялись, подставляя животы солнцу.

Два коня, запряженные в колесницу с бронзовыми украшениями на упряжи, копытами выбивали искры на граните мостовой.

Джаст стал со мной в колеснице рядом. Впереди кучер-атлет в темной тунике, с обручем, надетым на золотые кудри, держал в руках две пары вожжей. Он сразу ахнул, ударил вожжами и все замелькало мимо нас. Только солнце, не отставая, бросало прямо в лицо свои палящие лучи.

Мы подъехали ко дворцу старейшин, прошли те же залы и остановились в голубой комнате. Навстречу нам вышел большой черный человек в одной набедренной повязке, негритянского типа.

— Идите за ним, — сказал Джаст.

Он шел впереди, я за ним. Мы прошли три или четыре коридора, отделанных деревом одного цвета — черным, желтым и красным. Свет падал сверху через затянутый слюдой потолок. Мы остановились перед массивной двустворчатой дверью. Перед ней стояли похожие на моего проводника люди: почти голые, с черным цветом кожи, курчавыми волосами и приплюснутыми носами. К двери на цепях были прикованы две черные пантеры необычайной величины.

Чернокожие часовые и проводник начали обмениваться между собой знаками. Вначале я думал, что это глухонемые, но, когда один из них открыл рот, я понял: у них были вырезаны языки.

Внезапно я почувствовал, что мне жутко. Но дверь открылась и, подталкиваемый, я переступил ее порог.

Это был громадный зал, четырехугольный, со стеклянным потолком и стенами, отделанными в белый больничный цвет. Весь пол был затянут молочного цвета ковром. Стены до половины высоты были заставлены шкафами с книгами обычного европейского типа, в одинаковых кожаных переплетах. Стояли глубокие кожаные кресла и диваны, курительные столики и столы, заваленные журналами, книгами, газетами и картами. На самой середине зала находился обыкновенный большой шведско-американский стол и перед ним вертящееся кресло.

Мне казалось, что я начинаю сходить с ума и терять чувство ощущения действительности, когда чей-то голос на прекрасном английском языке сказал:

— Мистер Джеррам Форл — садитесь, курите и рассказывайте.

В углу зала стояла большая, штабного типа доска на подставке с натянутой на нее английской картой.

Карту рассматривала женщина. Вся ее одежда состояла из шелковой короткой туники, не доходившей даже до колен, обруча, стягивавшего кудри цвета спелой ржи, и красных сандалий, прикрепленных к ступням маленьких ног. Когда она повернула голову, синева громадных глаз казалась неестественной и жуткой. Высокий лоб, тонкий нос и правильный овал лица, очень яркие губы и красивый рот создавали впечатление законченной красоты и высокой духовной культуры. Она была очень велика, но тело своей стройностью и силой, цветом своей кожи, золотой от загара, поражало правильным соотношением частей и красотой линий.

Особенно хороши были ноги — длинные, мускулистые, с круглыми розовыми коленями, высоким подъемом и маленькой ступней.

— Подойдите же сюда, — продолжала она. — Вот здесь красные флажки — это линия русских частей, здесь зеленые — это афганцы и, наконец, флажки других цветов — это племена, участвующие в тех или иных войсках.

Как видите, Энвер почти окружен и прижат к Аму-Дарье. Ему остается или сдаться, или перейти на афганскую территорию. При таких условиях вряд ли помощь, о которой вы у нас просите, может иметь какое-нибудь значение. Впрочем, мы на это смотрим, как на коммерческую сделку. Не скрою, что в последнее время нам все труднее и труднее становится добывать оружие, необходимое для перевооружения нашей армии, начатого в мое царствование. Закупать его на английской территории стало совершенно невозможным. Это лишнее доказательство того, что ваше правительство, подготавливая захват Кафиристана, крайне заинтересовано в том, чтобы наша армия оставалась в прежнем состоянии.

Итак, я буду краткой. Наши условия следующие:

Мы выставим пять тысяч бойцов из состава мусульманских племен после того, как нам будет передано: пять тысяч винчестеров, полмиллиона патронов к ним, двадцать пулеметов с набором лент, одна горная батарея и тысяча снарядов к ней.

Пока она расхаживала по комнате, разговаривая таким образом, я следил за ней и думал — какая законченность форм, какая сказочная человеческая порода. Энвер с его авантюрой, «Интеллидженс-Сервис» со своими комбинациями — все это было ничто в сравнении с той потерей, какую несла человеческая цивилизация и наука от неведения того, что на свете существует такое государство и такая порода людей. Колумб, открывший Америку, не сделал большого дела. Другие авантюристы все равно проникли бы в Новый Свет. Но здесь, здесь был ключ к чудесному прошлому человечества, а может быть, и к его будущему.

— Сударыня, — сказал я, когда она кончила и уселась, рассматривая меня со вниманием дельца, изучающего своего клиента, — все, что вы говорите, очень важно, но есть вопросы, интересующие меня гораздо больше. Например, от-

куда вы знаете английский язык, как вас зовут, почему Кафиристаном правит женщина, как вам стало известно мое имя, наконец...

— Погодите, — перебила она меня и, улыбаясь, отчего на щеках засияли ямочки и заблестел ряд ровных белых зубов, — не все сразу.

Она протянула руку к жестяной коробке с сигаретами — это были египетские папиросы «Масперо» — и закурила.

— Во-первых, где это видано, чтобы высочайшим особам на приемах задавали вопросы? Впрочем, — прибавила она, и в голосе ее зазвучали стальные нотки, — вы ведь не посол, а тайный агент, следовательно, лицо, стоящее вне закона, а я в данный момент не царица, а делец, договаривающийся с вами о сделке.

— Я должен вас перебить. Предупреждаю вас, что скрытые угрозы, — я взял сигарету и медленно стал ее закуривать, — не произведут на меня ни малейшего впечатления. Если я задаю вопросы, то тем самым выражаю готовность отвечать и на все ваши.

Только один момент брови ее нахмурились; потом лицо приняло прежнее улыбающееся выражение.

— Хорошо, я принимаю условия. Я провела детство в Индии и потом училась некоторое время в Европе. Меня зовут Бактриана. Вы знаете, что Александр Македонский женился на Роксане — дочери бактрийского царя. Когда она была убита Кассандром, дочь ее продолжала править Бактрией. Как известно, нашествие парфян заставило греков двигаться в разные стороны. Одна часть двинулась в Индию и основала новое царство на берегах Кабула и Инда — под руководством Менандра. Другая проникла в нынешний Кафиристан и смешалась с местными жителями. Поэтому на монетах того времени греческие надписи стоят рядом с санскритом.

С ними отступила и дочь Роксаны, передавшая по женской линии свои права на царство. Греки смешались с кафирами, впрочем, привив им свою культуру. Царица стала называться Бактрианой, по имени Бактрии — места своего происхождения. Религия ее обожествляла по мере того, как

забывалась история. По преданию, Ибра как-то сбивал масло в золотой козьей шкуре. Оттуда вышли три женщины, которые пошли и засели в разных странах. Ибра затем прибавил воды и была создана четвертая женщина — «Бактри-ана», которая стала править Кафиристаном.

Я вспомнил фреску, остановившую мое внимание на стене дома, где я жил. Так вот объяснение надписи — «Бактриана».

— Теперь мне остается отвечать на последний вопрос — откуда я знаю ваше имя.

Она встала, подошла к одной из полок с книгами и по корешкам отыскала две. Потом открыла ящик стола и вынула оттуда тетрадь. Усевшись на свое место, она открыла книгу и начала читать своим звонким голосом:

«...Если бы нам пришлось судить о поэтах хератского круга Хуссейна-Бейкары и визиря Мир-Али-Шира только по выше-названным, далеко не первоклассным стихотворцам, то мы получили бы самое одностороннее и неверное представление о литературной высоте этого круга. Могло бы казаться, что лишь Джамий был здесь крупной величиной, а все остальные в сравнении с ним были пигмеи. Но это не так. Состояли в плеяде Джамия яркие и выразительные имена, также тесно связанные с Хератом. Это те стихотворцы, которые избрали своей специальностью эпос и меньше уделяли внимания лирическим формам, бесконечному перепеванию опошлевших хафизовских тем или дегенератским “фокусным касыдам”».

По мере того, как она читала строку за строкой, кровь отливала от моего лица и тело становилось тяжелым и бессильным.

Эта книга не могла интересовать Джеррама Форла, если бы он не имел другой фамилии, потому что она принадлежала перу лорда Артура Пальмура и называлась «Круг султана Хуссейна-Бейкары Хератского во второй половине Тимуридского периода».

Она захлопнула одну книгу и взяла другую, бросив на меня насмешливый взгляд. Это был новейший энциклопедический словарь — и, отыскав соответствующее место, прочла:

— Лорд Артур Пальмур, сын лорда Невилля Пальмура, дипломата. Родился в Нью-Кэстле. Окончил Кембридж и получил степень доктора по кафедре восточной литературы. Хотя его специальностью являются индийские наречия, к лучшим трудам нужно отнести исследования по истории персидской литературы, написанные им отчасти совместно с профессором Броуном. В 1918 г. получил звание профессора и с того же времени избран членом королевского Азиатского общества.

Она бросила словарь и открыла тетрадь. Это была изящно переплетенная в синий сафьян пачка листов удлиненной формы. Когда английская леди открывает такой блокнот, вы можете быть уверены, что там записаны выдержки из стихотворений Браунинга.

Но Бактриана вела в них другие записи.

— «Под именем “Абдул-Гасим-Хана” — персидского купца — прибыл в Люфтабад англичанин Джеррам Форл. Есть лица, которые видели его в Тегеране два года подряд с другим англичанином по имени Броун. Они вместе списывали надписи с могильных памятников и старых плиток, за которые платили большие деньги. Много людей, в том числе Мулла Гуссейн и Мирза Гули хан, по их поручению скупали старые персидские книги и рукописи. Каждый день они проводили несколько часов в английском посольстве».

Она перевернула страницы и прочла еще одну запись:

— «Выяснено у служащего в посольстве перса, что англичанин, доставший персидский паспорт на имя Абдул-Гасим-

хана, проживал тогда в Тегеране под именем лорда Артура Пальмура».

— Я думаю, — сказала она, захлопывая блокнот, — что остальные подробности вас не могут интересовать.

Меня действительно больше ничего не интересовало. Все было ясно. Мухаммуль Мумьк, получив от меня деньги, продал меня в качестве заложника кафирам. «Интеллидженс-Сервис» может гордиться и своей работой, и своими агентами. Они будут довольны, получив от меня об этом телеграмму.

— Сударыня, — сказал я, — я ничего не могу прибавить к тем сведениям, которые вы мне любезно сообщили. Я только не вижу, какую пользу из всего этого может извлечь Кафиристан.

Бактриана улыбнулась, мечтательно глядя на меня своими синими глазами, сказала нравоучительно:

— Всегда полезно знать, с кем имеешь дело.

Я испытывал самые разнообразные ощущения в этот момент. Я не мог не восхищаться этой женщиной, не мог не сознать себя в глупом положении и был полон раздражения против «Интеллидженс-Сервис» и всей его конспирации, превратившейся в детскую игру.

— Ого, да вы, кажется, серьезно расстроены вместо того, чтобы испытывать удовольствие в присутствии такой женщины, как я.

И Бактриана подошла к дивану и уселась рядом со мной, заложив нога за ногу.

Я не повел и бровью. Оставалось надеяться на свою выдержку и на то, что моя собеседница, как всякая женщина, не сможет долго придерживаться одной линии поведения.

Несколько минут длилось молчание.

Тогда Бактриана хлопнула в ладоши и вошел слуга.

— Так как вы, по всей вероятности, навсегда потеряли дар слова, то мне ничего не остается, как угостить вас чаем, — говорила она, наливая мне в чашку из чайника типичного севрского сервиза, прикрытого сверху добродетельным общеевропейским петухом из материи.

Я продолжал молчать, все больше чувствуя нарастающую напряженность и свое глупое положение. По-видимому, она не собиралась говорить и чувствовала себя превосходно.

Неожиданно в комнату влетел черный гладкий большой комок. Это была черная пантера и появление ее в другое время, например, в моей квартире в Лондоне, наверное, могло бы заставить меня выброситься в окно. Но я во время своего пребывания в Кафиристане настолько привык к неожиданностям, что возвращение к нормальному образу жизни было бы самым удивительным событием.

Бактриана занялась игрой с пантерой, не обращая на меня никакого внимания, может быть, даже забыв о моем присутствии.

Пантера вертелась, прыгала, служила, как собака и рычала от удовольствия, когда пальцы женщины щекотали ее за ушами.

Но Бактриане хотелось разозлить животное, и она стала ее дергать за усы.

Я довольно вяло наблюдал за этой игрой, обдумывая свои дальнейшие действия. У каждого англичанина в роду есть

несколько предков, живших долго в Индии и хорошо переболевших тропической малярией. В последующих поколениях это развивает склонность к сплину и способствует душевному равновесию.

Крик женщины и злобное рычание пантеры заставили меня приподняться. У Батрианы была разорвана туника с правой стороны груди и на теле виднелись неглубокие царапины.

Пантера стояла, подняв шерсть и лапу, оскалив зубы и рыча. Ее зеленые глаза блестели от злобы. Против нее, потрясенная гневом, застыла Бактриана, сжимая кулаки. Вся туника сползла вниз и она была обнажена.

Я смотрел на нее, любуясь ею и с замиранием сердца ожидая, кто из них сделает первый прыжок.

Время, за несколько минут до этого медлительное, как черепаха, теперь неслось, отсчитывая секунды.

Женщина сделала жест быстрый, как полет стрелы, схватив правой рукой длинным стальной прут, лежавший на столе, и опустила его на голову животного. Раздался жалобный вой, скорбное мяуканье и свист прута, рассекавшего воздух.

В комнату вбежали слуги, и один из них ловким движением накинул на шею пантеры петлю. На их лицах не отражалось никакого изумления. Двери снова закрылись, и мы опять остались одни.

Я впервые почувствовал невольное смущение, может быть, от того, что не мог оторвать взгляда от обнаженного тела Бактрианы. Но она не испытывала никакого стыда, наоборот, при виде моего лица в ее глазах промелькнули какие-то странные огоньки. Это было сознание женщины, чувствовавшей силу своего тела.

Она подошла ко мне очень близко и, медленно поднимая спустившуюся тупику, сказала:

— Итак, возвращаюсь к нашему разговору. Все условия те же. Как только прибудет перечисленное мною оружие, часть племен перейдет границу восточного Афганистана и направится в Бухару. Помните, что с каждым днем значение этой помощи будет уменьшаться. У вас еще есть нес-

колько дней на размышление. Пока же будьте нашим гостем.

— Я очень признателен за гостеприимство, но мне кажется, что вопрос о доставке оружия мне придется разрешить, выехав в Индию.

— Не стоит, ведь недаром же вы с таким трудом везли с собой радиоаппарат. Вам гораздо приятнее будет уехать отсюда, когда оружие прибудет и вы будете уверены, что ваша миссия способствовала улучшению дел в Бухаре.

С этими словами она хлопнула в ладоши:

— Проводите господина в его дом.

Я вышел с сознанием человека, как говорят в Китае, «потерявшего свое лицо».

Глава XIX

СОМНЕНИЯ ЛОРДА ПАЛЬМУРА

Мы возвращалась с Джастом в той же колеснице. Был вечер. Небо, ясное и темно-синее, усеянное звездами, сверкавшими особенно ярко, прорезывалось во всех направлениях снеговыми вершинами гор. По дороге, ведущей к городу, горели огни домов. Стадион темнел большим черным пятном. Ночь, теплая, наполненная запахом цветов и земли, заставляла людей покидать дома, и всюду слышались пение и смех. Кафиры целыми толпами встречались по дороге. Мужчины шли, обнявшись с женщинами. У многих в руках были небольшие тары и флейты. На головах почти у всех были венки из цветов.

Только теперь я заметил большое количество таверн¹ и публичных домов. Двери их были открыты, откуда падали на темную улицу снопы света, доносился шум танцев, музыки и крики.

¹ Таверна — кабак, корчма.

Как это ни странно, но я чувствовал себя взволнованным не потому, что моя миссия потерпела провал. Я даже не испытывал ни сожаления, ни беспокойства по этому поводу. В моих глазах стояли отрывки сцен, лицо Бактрианы, то насмешливое, то гневное, ее руки, наливавшие чай.

Вот она стоит обнаженная, с прутом в руке, похожая на пантеру, лежащую перед ней.

Может быть, следовало не уходить сразу. Можно было объяснить, сказать. Судьба мне послала возможность попасть в эту страну и встретить такую женщину, как Бактриана. Я представил себе холодные, серые и туманные улицы Лондона, лица дельцов из «Интеллидженс-Сервис», разговоры добродетельных леди за вечерним чаем, ночные кабаре с подкрашенными девицами и благородными отцами семейств, пришедшими сюда законно поразвратничать в субботу вечером; заседания академии с торжественно восседающими, заживо погребенными старичками; профессорские семьи в Кембридже¹.

Зачем все это? Совершить снова великий путь назад, чтобы вернуться к своим таблицам и рукописям и восстанавливать прошлое, когда есть настоящее, когда можно остаться в Кафиристане.

Рисковать теперь жизнью ради того, чтобы авантюрист Энвер-паша мог еще несколько месяцев жечь города в чужой для меня стране? Теперь, когда найден новый мир!

Я положил руку на плечо Джаста и у меня были готовы вырваться с уст слова:

«Поверните назад, я еще хочу говорить с Бактрианой», но меня удержала одна мысль:

«Сегодня, сразу после первой беседы, сразу после моего поражения, прийти и пасть к ногам. Нет!

Слишком рано».

Джаст вывел меня из задумчивости: мы были перед дверями дома.

¹ В Кембридже (Англия) находится знаменитый университет, основанный в 1229 году.

Слуги ждали со светильниками с руках.

— Передайте Бактриане, — сказал я, слезая с колесницы, — что я буду в ближайшие дни просить снова о приеме.

— Это естественно.

— Почему? — спросил я с раздражением.

— Кто видел ее раз, всегда хочет увидеть ее снова.

Хорошо, что было темно, потому что краска залила мое лицо — не знаю, оттого ли, что мне стало стыдно, или от желания его ударить.

В атриуме был накрыт стол и стояло вино в кувшинах. Я велел привести побольше света и начал пристально рассматривать фреску.

«Бак-три-ана», — повторял я тихо про себя.

Есть мне не хотелось, но вино я пил стаканами. Оно было очень легкое, напоминающее по вкусу тонкий и сухой икем¹.

Расхаживая по атриуму и обдумывая, что мне сообщить в Индию, я заметал в таблинуме — нише — Дизану, молча наблюдавшую за мной. Невольным жестом, рассеянно я погладил ее по волосам и, не останавливаясь, продолжал ходить.

Я не вспомнил о ней и, вернувшись к себе, занялся шифрованием депеши.

Я кончил работу только к утру.

«Клейтону, уполномоченному И. С. при вице-короле. Пешавер.

Имейте в виду, что Кафиристан не горная и дикая страна тчк Ее цивилизация, государственный аппарат и военная организация стоят на очень высоком уровне и во многих отношениях превосходят наши тчк Информация поставлена так, что сегодня мне сообщили, кто я такой и зачем послан сюда вами тчк Полагаю, что оружие нужно выслать безотлагательно, хотя едва ли уже можно помочь Энверу тчк До получения оружия мне запрещен выезд из Кафиристана тчк Изучение

¹ Икем — французское вино.

этой страны имеет громадное значение для Англии и всего человечества тчк Поэтому я не намерен пока выезжать отсюда тчк Ваш № 13031 сообщаю: Совет Старейшин подчиняется правительнице по имени Бактриана тчк Я требую чтобы вы эту телеграмму доложили вице-королю тчк».

Лежа в постели, я все еще вспоминал встречу с Бактрианой, обрывки разговора. О, сколько бы я дал, чтобы повторить эту встречу сначала. Я сказал бы другие слова. Она бы поняла, что перед ней сидит не просто английский агент. Величайшие ученые мира завидовали мне. Это я первым после Роулинсона, открывшего надпись Дария¹ на скале в Бегистуне², начал свободно разбирать вавилонскую клинопись и обнаружил, что язык семитского населения Вавилонии близок к кушитскому³ и к древнееврейскому языку, на котором написана Библия.

¹ Дарий — древний персидский царь.

² Бегистун или Бизутук — селение в Персии. В Бегистуне находится скала с клинообразными надписями и барельефами, сделанными персидским царем Дарием I.

³ Кушитским языком называется язык восточноафриканских несемитических племен (сомали и др.). Название происходит от страны Куш, расположенной к югу от Египта.

Неужели она не понимает, что я, может быть, единственный европеец, знающий язык тех из ее племен, которых не понимают даже сами кафиры...

Теплое, прижавшееся ко мне тело заставило меня оторваться от своих мыслей. Это была Дизана. Она положила мне голову на грудь.

— Ты ее видел?

— Да, — ответил я рассеянно. Мне было неприятно говорить с Дизаной о Бактриане. Мне вообще не хотелось говорить, я был слишком взволнован и не мог заснуть, хотя утро уже давно сменило ночь.

Дизайна это поняла. Она приподняла свою стриженую голову и спросила:

— Скажи, ты влюблен?

Глава XX

ПРАЗДНИК В ДИРЕ

Я вспомнил слова Робертсона:

«Пляска играет важную роль в интимной жизни кафиров; она бывает то религиозным обрядом, то зрелищем или развлечением. Кафиры пляшут и тогда, когда счастливы, и тогда, когда повергнуты в печаль».

Бедный сэръ Дж. Робертсон! Он был политическим агентом в Чильчите, где раньше служил врачом. Его начальником был полковник Дюранд — тупой солдат. Когда Робертсон получил разрешение поехать тайно в Кафиристан для того, чтобы изучать страну, где никогда не бывал европеец, Дюранд пожаловался начальству, что его врач вместо того, чтобы лечить больных, занимается научными путешествиями. К тому же, Робертсон не попал в Кафиристан и начал его описывать по племени сияпушей, где он пробыл поч-

ти что пленником около года. Это все равно, что по бушменам¹, живущим в английской Южной Африке, судить о том, как живут англичане в Лондоне. Переправляясь через Инд, Робертсон потерял все фотографии и большую часть материалов, и этим окончилась первая неудачная попытка европейцев проникнуть в Кафиристан.

Но в данном случае Робертсон был прав: в Кафиристане танец, так же, как и спорт, являются такой же необходимостью, как еда и сон.

В этот день все здания в городе были разукрашены цветочными гирляндами, на улицах и площадях стояли триумфальные арки для будущих победителей, а празднично разодетая толпа со всех сторон стягивалась к стадиону.

Это был праздник в честь Гиша — бога войны.

Мне подали того самого коня, на котором я ехал первый раз в Совет Тринадцати. Неизменный Джаст ехал рядом со мной.

Вокруг нас переливалось человеческое море, шумя и волнуясь. Женщины, мужчины и дети с венками на головах, одетые в синие, желтые и красные туники, с веселыми шутками бросали друг в друга цветами и какими-то разноцветными пузырями, напоминающими наши детские шары. Многие из них при прикосновении с шумом лопались.

Я вспомнил парижский карнавал 14 июля² — самый веселый народный праздник. Но там на десять человек приходилось девять больных, завядающих от болезней и скучного однообразия городской жизни. Здесь источником веселья были здоровье, физическая сила и красота. Не слышно было скабрзных шуток, не видно непристойных жестов.

¹ Бушмены живут в Южной Африке. Они по своему развитию стоят на самой низкой ступени культурного развития. Бушмены — малого роста, цвет кожи у них от светло-желтого до темно-коричневого. Ведут бушмены бродячий образ жизни.

² 14 июля — начало великой французской революции. В этот день восставшим народом была разрушена крепость Бастилия, — государственная тюрьма. Годовщина взятия Бастилии — национальный праздник. 14 июля устраиваются народные празднества.

Взрослые играли, как дети. Люди шли по усыпанной цветами мостовой, и со всех балконов к садов, расположенных на крышах, в них бросали цветами.

Меня поразила, кроме всего остального, вежливость толпы, и я только впоследствии узнал, что в этом отношении кафиры превзошли даже китайцев.

— Ведь праздник в честь бога войны едва ли располагает к особой радости. Почему же все веселятся?

— Потому, — ответил Джаст, отмахиваясь от шара, который в него запустила какая-то кафирка среднего роста — футов в шесть, — что война для достойного человека такой же праздник, как для труса — мир.

Стадион был облеплен многотысячной толпой, но ее сдерживали по кругу воины в блестящих касках, с пиками в руках. Они же образовали, выстроившись друг против

друга в две шеренги, узкий коридор для проезда к главной трибуне.

Середину трибуны занимал Совет Тринадцати.

Старички восседали несколько ниже кресла, окруженного стражей, которое, однако, было пусто.

Слева и справа от мест старейшин сидели представители различных племен и сановники, одетые в очень яркие тушки.

Джаст провел меня к изолированной ложе с каменным полукруглым сиденьем и таким же столом перед ним. На столе лежали фрукты и стояли сосуды с вином. Вся трибуна была выстроена из камня, похожего на мрамор и покрытого каким-то блестящим составом, так что на его поверхности лица, краски и солнце отражались, как в зеркале.

На арене стадиона двигались отряды солдат. Это были люди не менее семи футов ростом, в блестящих шлемах и в очень коротких набедренных повязках. Они шли четырехугольниками, шеренга за шеренгой, держа в правой руке небольшие топоры. Мускулатура их была выражена так же рельефно, как на древних фресках с изображением похода римских гладиаторов.

О, Тимур Ленк¹, Юлий Цезарь², Ганнибал³, Наполеон и даже вы, Гинденбург и Фош — если бы у вас были такие воины, вы бы завоевали весь мир.

Как победно звучал их шаг, как солнце играло на металле шлемов, как стройны были их ряды!

Я любовался этим единственным, может быть, последним, зрелищем для европейца, привыкшего видеть солдата, запятого в танк или в блиндированный окоп в качестве приложения к мотору или электрической пушке. Даже убивая друг друга, люди сделались лишь живой частью механически действующего аппарата.

¹ Тимур Ленк — хромой Тимур или Тамерлан, азиатский завоеватель.

² Юлий Цезарь — знаменитый римский полководец и государственный деятель.

³ Ганнибал — гениальный карфагенский полководец. Был самым ярким ненавистником римлян.

И вдруг легионы великолепных воинов выстроились, застыли в неподвижности и... и начали танцевать. Как разъяснил Джаст, топорики, которые держали воины, были специально предназначены для танцев. Для этой же цели все они были одеты в специальные плясовые сапоги, довольно причудливые и оригинальные. Нижняя их часть была украшена красными и цвета соломы квадратиками и убрана красными шерстяными розетками. С верхнего конца длинного, мягкого песочного цвета голенища, доходившего почти до половины голени, свешивается длинная бахрома из белого козлиного волоса или волоса мархори, окрашенная на концах в красное. Бахрома ниспадает почти до земли и увеличивает собою причудливый вид сапог, прижатых вплотную к голени и щиколотке узкой тканой тесьмой. Сразу в разных местах раздался рокот барабанов, свист дудок, и несколько тысяч солдат, медленно раскачиваясь, как в старомодном вальсе, качали кружиться. Темп музыки все усиливался, и они кружились все быстрее, вращая вокруг головы топорики.

Джаст с увлечением, как и все окружающие, смотрел на это зрелище, по временам пронзительно выкрикивая: «Шамши» — «прекрасно».

Отдельные крики зрителей становились все громче, переходя в общий одобрителный гул, пока сразу не оборвался барабанный рокот и тысячи вращающихся человеческих волчков не остановились одновременно. Тут они снова сомкнулись в ряды, прошли по внутреннему кругу стадиона и остановились в западной его части, построившись в квадрат.

Тогда, покрывая рев трубы буйным топотом копыт, на арену выбежали четыре жеребца золотистой масти, приподнимая с земли и подбрасывая коноводов, висевших на поводьях. Их выстроили в ряд. Несколько воинов-кафиров выдвинулись вперед, и они по очереди стали прыгать через лошадей, сомкнутых вместе.

Это был обычай, практиковавшийся когда-то у германских диких племен: готов, тевтонов, кимвров. Так они выбирали своих военачальников. Перепрыгнувший через наи-

большее количество коней становился вождем.

Итак, в этой стране было два первоисточника человеческой культуры — санскрит — отец всех языков, и военный обычай, перешедший когда-то к самым разнообразным народам.

Но у германских племен самым великим оказался человек, перепрыгнувший через шесть лошадей, здесь же я увидел, как великан-кафир, по меньшей мере семи футов ростом, перескочил через восемь. На победителя возложили венок, и арена снова опустела.

На этот раз трубы зазвучали хором, загудели барабаны, запели флейты, и все зрители встали, приветствуя криками и жестами черные точки, появившиеся на горизонте. Повидимому, наступила самая интересная часть зрелища.

Показался мчащийся карьером отряд амазонок. Кроме сандалий с ремнями, бинтовавшими ногу до щиколотки, и короткой туники, на них были блестящие шлемы с рогами.

Итак, Александр Македонский, прозванный Двурогим, ты оставил по себе незабываемый двурогий след на главах женщин.

От Индийского океана до песков Средней Азии, от Персидского залива до холмов Бухары, ты прозван Двурогим, и каждый, кто наденет на себя такой шлем, считается завоевавшим свое счастье.

Пыль из-под копыт, развевавшиеся из-под шлемов тяжелые пучки волос и блеск копий проносились мимо зрителей, приветствовавших амазонок. Они рассыпались и оцепили стадной кольцом. Тогда на арену медленными шагами, наклонив голову, украшенную великолепными громадными рогами, оглушенный криками, вышел большой белый бык.

Великое зрелище Кносского¹ ристалища на острове Крите — бой женщин с священным быком-минотавром — было возрождено в Кафиристане.

¹ Кносское ристалище — место священных празднеств на острове Крите.

Когда Тутанкамон — зять царя египетского Аханатона, будущий фараон — отправлен был послом на остров Крит, две вещи поразили его: величие дворцовых уборных и культ быка.

В уборных седалище было троним. Под ним, вдоль стен, журчала вода. На полочках между фресками по стенам, в карнизах, наполненных землей, росли цветы. В передней комнате девушки играли на арфах. Так чудаки-критяне заботились о своем пищеварении.

Еще больше порашил его царь. Носил он бычьей морду-маску и в титуле своем назывался и царем, и царицей. Двенадцать отроков назывались его невестами, а двенадцать дев — женихами. Сам же он был скопец, так же, как и двенадцать его советников в ризах шафранного цвета.

Остров Крит был «царством морей». Отсюда вместе с кораблями и товарами во все земли перенесся обычай устраивать игры быков — в честь «Быка-Солнца».

В полуторадневном пути от Кносса находилась священная пещера, где содержались плясуньи-девы. Они были стройны, щуплы, сухопары, похожи на отроков, и поочередно танцевали перед разъяренным быком, пока кто-нибудь из них не был забодан рогами.

Теперь, тысячелетия спустя, когда в Чикаго сотни тысяч быков превращаются в консервы автоматически действующими, как заводные часы, аппаратами, в Кафиристане, на стадионе в Дире, женщины-амазонки ожидали быка.

Бык стоял, подняв морду к солнцу, ленивый, огромный, оглушенный шумом и ослепленный светом. Он повернулся было назад, отмахнулся хвостом от мух и заревел. Тотчас же одна из всадниц вынеслась стрелой мимо него, играя копьём, сверкая на солнце шлемом. Бык подался вперед, попытался боднуть лошадь, отстал и остановился. Тогда одна за другой начали проноситься мимо него всадницы. Они вертелись вокруг него на лошадях, подкалывали его сзади копьями и, когда он, разъяренный и свирепый, с глазами, налитыми кровью, в отчаянной попытке заколоть коня боднул землю и вонзил рога в песок, они снова рассыпались полукругом.

Тогда на арене появилась новая амазонка.

Солнце, очень большое и очень красное на фоне белоснежных горных вершин, заходило. Все окрасилось в цвет красной меди.

Неясные вдалеке контуры женщины на лошади приближались, росли, уточнялись и превратились в Бактриану на золотом жеребце. Она была одета так же, как и другие амазонки, то есть была почти голой, если не считать пояска и сандалий; но на ней был плащ алого цвета, развевавшийся по ветру, как знамя, и совсем особый шлем — из чистого золота с двумя вьющимися рогами, вокруг которых переплетались серебряные змеи. Ее левая рука натягивала поводья, в правой было копьё; в прицепленном к седлу колчане находились еще несколько копий.

На полном карьере она остановила лошадь в двух шагах от быка. Жеребец присел на задние тоги. На губах его показалась пена, ноздри раздувались, он водил косым кровавым глазом. Бык тупо смотрел на коня, потом замычал и, наклонив голову к земле, наставив рога, побежал легкой рысцой к лошади.

Уверенным, сильным и спокойным движением рука Бактрианы метнула копьё. Оно вначале пролетело прямо, как стрела, потом спустилось перпендикулярно вниз, вонзившись в спину быка на треть. Древко раскачивалось по воздуху вместе с бегом быка. Бактриана на коне понеслась в сторону. Бык бежал за ней, и струя крови чертила по песку следом за ним прямую линию. Конь неся, как ветер, пока всадница не повернула назад и не оказалась сзади быка. Тогда второе копьё вонзилось рядом с первым. Так продолжалась игра, и уже шесть копий, образовавших целую изгородь, торчали в спине умирающего животного. Бык рухнул сразу, закачавшись, как качается подпиленный дуб за секунду перед падением.

Музыка, крики «шамиш», аплодисменты и рев толпы приветствовали всадницу, скакавшую мимо трибун. На одно мгновение я заметил ее лицо, блестящие глаза, развевавшиеся полосы, голое тело с колыхавшимся над ним пурпуром плаща. Потом морда коня, покрытая пеной, вместе с

тяжелым храпом и топотом копыт, унеслись от меня с ветром.

Наступили сумерки. Народ расплзся темными пятнами во все стороны. Джаст болтал с каким-то кафиром, одетым в красную мантию. Я ехал молча.

Глава XXI

В КОТОРОЙ СЭР АРТУР ВЕДЕТ СЕБЯ, КАК МАЛЬЧИШКА

Испытывали ли вы всю необычайность и непреодолимость желания видеть женщину? Дерево, куст, человек, тень от камня, встречавшиеся по пути, принимали облик Бактрианы. Дыхание, потребность пить и есть были неразрывно связаны с ощущением этой женщины.

О, яд любви, самый страшный, самый сильный из всех ядов, — ты уже растекался вместе с кровью по моим жилам!

Обладать, видеть сломленной эту женщину, покорной, покоренной желанием! Только это!

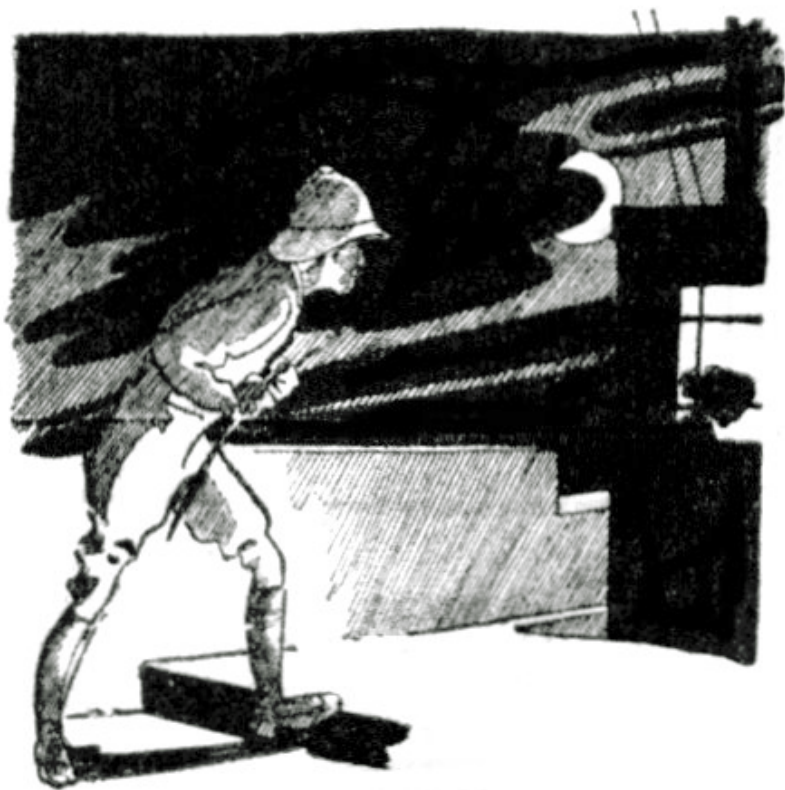
А кругом звенели песни. Праздная и веселая ночь покрывала грехи людей, души которых в темноте распускались, как цветы, отравляя воздух ароматом любви.

Я почувствовал вдруг избыток сил. Во мне родилась уверенность в победе. Я вонзил сразу шпоры в коня и помчался в темноте аллей, прислушиваясь к звуку мерно ударявших лошадиных копыт. Звезды смотрели прямо вниз, следя за моим бегом.

Мой дом светился огнями и в открытые двери видны были тени суетившихся людей. Мне пришлось ждать довольно долго, пока вышел слуга принять лошадь.

Стягивая перчатки, постегивая хлыстом по крагам и покачиваясь на усталых ногах, я медленно вошел в дом. Навстречу выбежала озабоченная Дизана.

— Царица Бактриана ожидает тебя в саду на крыше.

Я почувствовал ясно: чья-то рука схватила сердце и медленно стала сжимать его в кулаке. Оно билось реже, стуча и разрываясь в теле, отдавая гулким эхом в голове. Я был близок к обмороку, сознание меня покидало.

«Плохо, — подумал я, — сэр Артур, вы ведете себя, как влюбленный мальчишка».

Мне нужно было как-то освободиться от излишка наполнявшего меня волнения. Руками я стал сгибать хлыст. Камыш согнулся дугой. Я завязал из него петлю, он треснул, и я бросил его в сторону.

Поднимаясь по лестнице, вначале медленно, я в три прыжка очутился на пороге крыши.

В темноте сада ничего не было видно. Я спотыкался о кусты и деревья, протягивая вперед руки, как слепой.

У радиомачты, в будке, мелькал свет. Там горел светильник. Войдя в будку, я увидел Бактриану. Она внимательно разглядывала приборы. Ее четкий профиль, белеющий прибор в золоте волос и наклоненная фигура заставили меня остановиться. Я хотел сказать что-то и не мог. Потом мгновенное решение охватило меня, зажигая новым волнением.

Одним движением руки я сбросил плошку на пол. Горящее масло обожгло мне руку; фитиль, как светящийся червяк, мелькнул в воздухе и потух; медь зазвенела, ударяясь о пол. Я пошел в темноту, протянув вперед руки, пока не наткнулся на Бактриану. Тогда, схватив ее в объятия, я наклонил ее голову и впился в губы. Она вскрикнула от неожиданности, но, очевидно, я проявил в этот момент такую силу, что ее большое и могучее тело казалось гибким и безвольным.

Я не знаю, сколько прошло времени, может быть, минута, две. Я ясно чувствовал, что она отвечала на поцелуй, что ее охватила та же лихорадка любви с не меньшей силой, что нужно лишь одно мгновение, маленькое усилие, какой-то неучитываемый и неизмеряемый переход, чтобы она была моей.

Но в этот момент слышались шаги, крики и показался огонь факелов.

Бактриана сразу сильным движением отодвинула меня в сторону и выпрямилась, чуть-чуть пошатываясь и закрывая глаза рукой.

В дверях показалась Дизана. Глаза Бактрианы засветились огоньками уничтожающего гнева, на лице Дизаны было написано страдание, прозорливость влюбленной и ненависть к сопернице. Не было ни царицы, ни рабыни. Две женщины-самки стояли друг против друга.

Из группы стоявших за Дизаной людей выдвинулся Джаст. В руках его была тонкая трубочка свернутого пергамента, с которой свешивались печати.

Он подал ее с поклоном:

— Очень срочное письмо от Тринадцатого.

Бактриана схватила пергамент резким движением, печати полетели на пол. Видимо, гнева ее боялись, потому что

все потупились. Джаст сделался бледнее обыкновенного. Он понял, что появился не вовремя.

Она пробежала глазами записку раз, потом еще раз и бросилась к выходу. Все поспешно последовали за ней.

Я остался один, чувствуя себя опустошенным, покинутым, почти неспособным дойти до постели.

Глава XXII

ПОЯВЛЕНИЕ ЭНВЕР-ПАШИ

Я знал, что кафиры легкомысленны. Еще Робертсон отметил, что у них не считается зазорным, если замужняя женщина изменит мужу с другим. Наоборот, для таких случаев существовала установленная законом плата в пользу мужа.

Но неужели Бактриана не оттолкнула меня сразу в тот момент только по легкомыслию? Или это — простая половая потребность, такая же естественная для этого прекрасного, здорового тела, как потребность в пище? Могла же у нее закружиться голова от поцелуя? А вдруг это была любовь?

Так мучился я, расхаживая целыми днями по комнатам или разъезжая верхом по залитым солнцем и зеленеющим улицам Дира.

Бактриана меня не вызывала. Джаста не было видно. Дидана старалась со мной не встречаться, скрываясь в отдаленных комнатах. Меня забыли, на меня перестали обращать внимание. Только из Пешавера приходили лаконические телеграммы. Оружие в Кафиристан было выслано через Читрал, правда, старого образца и в небольшом количестве. Мне предлагали выехать в Бухару с любым количеством людей, которых удастся заполучить в Кафиристане. В этом случае обещано было Совету Тринадцати выслать оружие последних систем и до пяти тысяч фунтов золотом.

Я переслал эти сообщения совету, надеясь, что Бактриана вновь вызовет меня к себе.

Я не мог уехать из Кафиристана и не в состоянии был

ждать в Дире, не видя Бактрианы. В бездеятельности и в то же время в вечной напряженности проходили дни.

По вечерам я пытался отвлечься и заполнить длинные часы бессонницы чтением донесений нашего консула в Кашгаре, пересылавшихся мне ежедневно по радио. Вот некоторые из них:

«Первые успехи Энвера объяснялись неожиданностью самого выступления, в котором собственно бухарцы не принимали почти никакого участия. К нему примкнули военнопленные, бывшие офицеры старой турецкой и русской армий, старые чиновники эмира и часть купцов, откупщиков налогов и других людей, связанных целиком со старым правительством. Для того, чтобы вызвать к себе сочувствие масс, Энверу приходилось через своих агентов делать налеты на мечети и выступать в защиту мусульманской религии, якобы притесняемой большевиками. Народ ему не сочувствовал, интеллигенция тоже, реакционные элементы смотрели на него, как на иностранца, несмотря на его имя и звание зятя халифа, и не могли ему простить прежнюю дружбу с большевиками.

Поэтому уже с самого начала Энвер-паша обратился к находившемуся в Афганистане бывшему эмиру Бухарскому с предложением вернуться на трон, а его назначить лишь верховным главнокомандующим. Таким образом, ему пришлось отказаться от идеи создать себе “царство от Каспийского до Черного моря”. Эмир согласился, но сам не приехал, а послал своих чиновников, объедавших его в изгнании и ожиревших от бездеятельности.

Энвер-паша, не получив от эмира поддержки, обратился за помощью к главарям разбойничьих и басмаческих шаек во главе с Муэтдин-беком. Последние вместе с эмирскими чиновниками жгуг, насилуют и грабят население и, в упоении бандитизмом, вызывающим поголовную ненависть жителей, совершенно забыли и про войну, и про Энвера. Положение нужно считать совершенно безнадежным, тем более, что все слои населения, совместно с бухарскими большевиками, об-

ратились к советскому правительству с просьбой об освобождении их от ужасов войны и грабежа. Не сегодня-завтра появится Красная армия и, несомненно, с большой легкостью уничтожит все банды Энвера...».

Читая эти строки, я задумался над трагической судьбой английского правительства. Как часто его агенты оказываются в ближайшем контакте с самыми темными элементами населения других стран! Итак, признавая всю гибельность и преступность предприятия Энвера, «Интеллидженс-Сервис» считала необходимым помогать ему только для того, чтобы доставить неприятность большевикам.

Шум шагов заставил меня обернуться. Джаст в точности соблюдает дурацкий обычай кафиров приходить друг к другу когда вздумается и без всякого предупреждения. У них гость может прийти в дом когда угодно и делать все, что ему вздумается, а хозяин с дурацкой улыбкой будет доказывать, что он этим очень доволен.

— Вы намерены и впредь врываться ко мне, когда вам вздумается? — обратился я к Джасту, решив раз навсегда покончить с этой бесцеремонностью.

— Нет, — ответил он, — только тогда, когда это крайне необходимо. Впрочем, — он усмехнулся, — если вы хотите отказаться от визита к Бактриане...

— Довольно, — прервал я его, — с этого и нужно было начать.

Я специально вызвал Дизану помочь мне переодеться, потому что каждая минута промедления казалась мне часом. Я даже не сообразил, как тяжело ей видеть, с какой тщательностью я делаю туалет, готовясь к этой встрече.

Право, я никогда раньше не уделял столько внимания своей внешности. Теперь, всматриваясь в зеркало, я вижу уже сильно побелевшие виски и очень большой лоб, — в нашей семье всегда лысели спереди. Монокль в левом глазу, увы, не признак щегольства. В 34 года у меня один глаз видит хуже другого, и, когда я работаю, то ношу очки; в обществе их приходится заменять моноклем.

Все готово, немножко пудры, чтобы не блеснул нос. Я закуриваю сигару, надеваю блестящий цилиндр, беру перчатки, накидку, трость и сажусь в этом наряде, таком смешном для античного государства Бактрианы, в древнегреческую колесницу.

Представьте себе на мгновение: туман... свет фонарей расплывается, как масляные пятна по воде, отражаясь в блестящем асфальте улиц. Автомобили огненными глазами прорезают темноту ночи. Полисмен, прикрытый каской и плащом кажется статуей. Джентльмен, возвращающийся из клуба, в черной накидке, блестящем цилиндре, с прямой тростью, похожей на шпагу, с развевающимся белым шелком шарфа, шафранными от вспыхнувшего света руками зажигает сигару... Под резкой чернотой цилиндра — строгое бритое лицо. Все вместе — это силуэт ночного Лондона или Парижа.

Но когда этот же джентльмен мчится в колеснице к царице государства эпохи Александра Македонского, вы начинаете понимать, что мир — это шкатулка, полная самых разнообразных загадок.

Мы подъехали к зданию, где я никогда раньше не бывал, очень монументальному и древнему на вид, примыкающему к дворцу старейшин.

Джаст, пробормотав извинения, исчез.

Я увидел лестницу, грандиозную по своему масштабу. Не менее трехсот ступеней из белого мрамора подымались ввысь от площадки, выложенной, как шахматная доска, белыми и черными квадратами. С обеих сторон перила черного мрамора, очень высокие для человека обыкновенного роста, имели выемки, в которых стояли светильники в виде чаши из разноцветного стекла на тонких, вьющихся бронзовых подставках. В них горело масло, распространяя приятный аромат и отбрасывая оранжевые, фиолетовые, розовые и голубые лучи на белый мрамор лестницы и на потолок.

Моя тень окрашивалась этими цветными лучами, делая обстановку еще более театральной, и я бы не удивился, услышав в этот момент шипение сценического прожектора.

Конец лестницы завершился площадкой, на которую выходили бронзовые, раскрытые настежь двери.

Я вошел в зал.

Стены его, выложенные нефритом, покрыты были прекрасной инкрустацией¹ из черного дерева и золотых пластинок. Весь нефрит был покрыт изображениями Александра Македонского в эпоху его пребывания в Азия. Вот он с Роксаной, предшествуемый трубачами, детьми, разбрасывающими цветы, и воинами, несущими знаки его достоинства, идет на свадебный пир. Вот Александр в Балхе осматривает великолепных бактрийских лошадей. Вот он на охоте... Занятый изучением этих фресок, я пришел к убеждению, что дворец относился к первому веку пребывания здесь греков, отступивших в Кафиристан из Бактрии и восстановивших на новой земле знаменитый балхский дворец.

Зала была очень велика, не имела никакой мебели и только в конце ее, на особом возвышении, стоял мраморный трон, поддерживаемый четырьмя мраморными тиграми. Эго китайцы, считающие и до сих пор тигра царем зверей, сумели, несмотря на свою изолированность, распространить до пределов Индии почитание этого животного...

Освещение было устроено таким образом, что трон и окружающая его часть зала были залиты светом, отражавшимся на отполированной, как стекло, поверхности пола; но все остальное пространство было в полумраке.

Сбоку от трона, в стене, была небольшая дверца, а в противоположной ему стене еще несколько дверей. Зал начал наполняться офицерами, чиновниками и старейшинами племен. Они имели различного цвета одежды и стояли отдельными группами. Ближе к трону находились желтые, за ними красные, фиолетовые и почти у самого выхода — черные. Потом прибыл караул и выстроился перед троном и

¹ В художественной промышленности так называются гладкие украшения из перламутра, металла, кости, вделанные в дерево, камень, металл и проч.

попарно у каждой двери. Около трона на особом возвышении стояли трубачи.

Когда зала наполнилась почти целиком, появился Джаст. Он подвел меня почти к самому трону и подал знак трубачам.

Члены совета старейшин стали за тронном. Раздался снова трубный сигнал.

Маленькая дверь открылась, и появилась Бактриана. Она была в том же золотом шлеме с двумя рогами, в шафранной тунике, конец которой был перекинут через плечо, и в золотых сандалиях. Мне казалось, что, окидывая взглядом зал, она задержалась на мне несколько дольше, чем следовало. Но я не обольщался. Было ясно, что меня пригласили для участия в какой-то официальной церемонии. Сам по себе я был не нужен Бактриане. Это сознание было настолько сильно, что я почувствовал желание тотчас же уехать. Надо было отыскать Джаста и, сославшись на какую-нибудь причину, постараться незаметно исчезнуть.

Звук трубы и движение в зале заставили меня обернуться к входным дверям.

Джаст, приблизившись к трону, громким голосом объявил:

— Энвер-паша, зять халифа¹ всех мусульман, высокий сердар² Афганистана, просит разрешения войти.

Бактриана сделала знак, и в зале показалась небольшая группа людей, впереди которой шел красивый брюнет среднего роста, в блестящей военной форме. Я вспомнил фотографии Энвера, печатавшиеся в период войны во всех журналах, восточные оперетты и романы, посвященные ему, и должен был сознаться, что он производил очень эффектное впечатление. Для женщины и для людей Востока достоинства человека измеряются внешностью.

¹ Халиф — по верованию религиозных мусульман, является на земле наместником Магомета и соединяет поэтому в своем лице не только высшую гражданскую власть, но и высшую духовную власть.

² Сердар — т. е. губернатор.

Он шел прямыми, твердыми солдатскими шагами прямо к трону. В четырех шагах от него он вытянулся, щелкнул шпорами и приложил затянутую в белую лайковую перчатку руку к кружевной зеленой чалме.

Его черные глаза смотрели прямо на Бактриану, казалось, отражаясь в ее синих расширенных зрачках. Лицо Бактрианы, красивое в своей спокойной правильности, отражало некоторое волнение — она порозовела. Рядом с Энвером появился переводчик и, повторяя за ним уже заранее приготовленные фразы, старался подражать его отрывистому и повелительному тону.

— Я сделал то, чего не делал никто, — говорил Энвер. — Я сел в каюк в Аму-Дарье и по опасным и быстрым притокам спустился в реку Прессун, чтобы попасть в Кафиристан. Я прибегаю к вашей помощи, чтобы освободить священную Бухару от власти большевиков. Балх и Бактрия передали великие традиции Александра Македонского Кафиристану. Ваше могучее и дисциплинированное племя может сыграть решающую роль в этой борьбе. Я создам из ваших воинов непобедимую армию, и имя вашей царицы будет вписано в историю. Кафиристан получит новые территории, вы разомкнете цепь сжимающих вас гор, захватив все подступы к ним в свои руки.

Кто знает сейчас о Кафиристане, о вашей высокой культуре, о вашем народе, о ваших обычаях и нравах? Вся история древней Греции откроется потрясенному человечеству в новом и блестящем свете. Ваш язык, ваши обычаи распространятся по свету, видоизменяясь в тысяче форм. Ученые всех стран устремятся сюда жадным потоком.

Прошла неделя, как я сделал вам свои предложения. Сегодня я должен получить окончательный ответ — время не терпит. Царица обещала благосклонно рассмотреть мое обращение к Кафиристану.

При этих словах раздался сдержанный шепот в зале и некоторое движение среди старейшин.

Энвер замолчал. Из стоявших сзади Бактрианы сановников выдвинулся Тринадцатый — глубокий старик с бородой, похожей на длинную мочалку, окрашенной в шафран-

ный цвет, сливавшейся с такого же цвета одеждой. Он говорил невнятно, но очень медленно и спокойно.

— В войне бывают и победы, и поражения; поэтому нужно идти на войну ради интересов, понятных народу и полезных государству. Кафиры никогда не воевали вместе с мусульманами, но всегда сражались против них. Недаром у всякого достойного кафира плащ сшит из мусульманских чалм, отобранных в боях. Со времени ухода из Бактрии, наш народ оборонялся от нашествия враждебных мусульманских племен. Теперь мы загнаны в горы, которые нас охраняют. Мы хотим знать о других народах, но не желаем иметь с ними никакого дела. Вот почему, когда раньше с таким же предложением помощи вам, сиятельный господин, к нам обратился представитель могущественного соседнего государства, — и палец его, не стесняясь, указал на меня, — мы намерены были ответить отказом.

Царица Бактриана, обладая великодушным сердцем, естественно, сочувствовала слабейшей стороне и с благосклонным участием выслушала ее просьбы. Однако, она никогда не решилась бы принести в жертву хотя бы одного кафира ради интересов чужого государства.

Во время этой речи, в особенности при последних словах Тринадцатого, Бактриана бледнела и краснела. Становилось ясно, что она как-то заинтересована во всей этой игре с Энвером. Энвер глядел прямо, вытянувшись во фронт, как будто выслушивал рапорт.

Когда старичок закончил свою речь и с глубоким поклоном в сторону Бактрианы отошел назад, Энвер-паша круто повернулся и подошел ко мне.

— Так это вы тот знаменитый агент «Ингеллидженс-Сервис», который, будучи послан ко мне для помощи, попал в Кафиристан и пальцем о палец не ударил, чтобы оказать нам какую-нибудь помощь?

— Ваше превосходительство заблуждается. Вопрос о помощи восставшей Бухаре поручен английским правительством мне пока только для изучения.

Энвер протянул руку, и адъютант его — молодой турок, вытянувшись и звякнув шпорами, подал ему золотой порт-

сигар с турецкими сигаретами.

— Вопрос должен быть решен немедленно. Еще три недели тому назад присланная вами помощь сыграла бы решающую роль. Сейчас она абсолютно необходима, чтобы удержать уже занятые территории. Через несколько дней она уже может оказаться ненужной. Немного оружия прислал мне английский консул в Кашгаре и некоторые ханы. Но этого совершенно недостаточно.

— Я полагал бы самым желательным получить реальную помощь вооруженными людьми от Кафиристана. Англия могла бы уплатить за это оружием и деньгами, но, судя по заявлению Тринадцатого, дело обстоит неважно, разве что царица лично...

Энвер сделал презрительный жест.

— Бактриана прежде всего женщина и она царствует, но не правит. Кроме этого, Кафиристан — страна, где родовой быт играет громадную роль, и господствующее племя преследует свои интересы.

— Тогда какой же был смысл вашего приезда сюда?

— Я надеялся, что, если мне удастся воздействовать на царицу, — это даст большие результаты.

Между тем, слуги начали разносить на больших подносах зеленый чай и сладости; оркестр, составленный большей частью из духовых инструментов, играл какую-то музыку, наполовину европейскую, наполовину восточную, и все по очереди проходили мимо Бактрианы, говорившей каждому несколько слов.

Прием во дворце заканчивался.

Энвер-паша и я задержались сознательно. Я подозревал, что он, как и я, хочет остаться последним, чтобы поговорить с Бактрианой. При ее знании иностранных языков, присутствие посторонних не могло служить помехой.

Зал почти опустел, и дальше оставаться было неудобно.

Энвер нервно играл перчаткой, отстукивая ногой такт марша. Его офицеры — двое турок, бухарец и какой-то русский, из бывших князей, — почтительно переживали скверное настроение своего шефа.

Наконец, Энверу надоело ждать, и он, продолжая со мной перебрасываться словами, двинулся к трону.

Я увидел тревожный взгляд Бактрианы, направленный на него. Ее лицо было лишено обычного спокойного выражения. Влюбленные всегда проникательны, и я чувствовал, что она взволнована более, чем когда-либо.

Энвер стоял перед троном, глядя на нее в упор своими черными и властными глазами.

— Я должен поблагодарить вас за обещанную помощь.

Он говорил по-немецки, иронически подчеркивая слова.

— Я забыл, что обещания женщины, даже если она царица, нельзя принимать всерьез.

Лицо Бактрианы вспыхнуло алым пожаром. Она едва не приподнялась от негодования. Но тотчас же это выражение сменилось другим. Передо мной была только страдающая и виноватая женщина.

— Я надеюсь, что мне удастся кое-что сделать. Может быть, еще сегодня мы поговорим об этом.

Энвер сделал злое лицо. В нем чувствовался человек, играющий в жизни спокойно, в отличие от актеров, делающих это лишь на сцене. Все жесты были театральные, каждое движение его была сознательная ложь, поза, стремление производить впечатление на окружающих.

— Я не могу ждать и мне не о чем говорить. Честь имею кланяться, царица!

Он отошел, и наступила моя очередь откланяться Бактриане.

— Я намерен уехать, хотя мои дальнейшие шаги будут зависеть от вас. Я хочу поговорить с вами возможно скорее.

Бактриана взглянула на меня, и в ее голубых глазах в первый раз я заметил лучи печали.

— Приходите в любое время, — сказала она грустно, — но не покидайте меня. Вы мне очень нужны.

На площадке белой лестницы я догнал Энвера-пашу.

— Не хотите ли поговорить по дороге?

— Нет, — отвечал Энвер, — я лучше заеду к вам завтра, мне некуда ехать, я живу при дворце.

«Итак, он жил во дворце уже три недели и, наверное, не раз видел Бактриану», — подумал я и понял, что мое неприязненное чувство к нему было бессознательным результатом другого чувства — ревности.

Глава XXIII

НОЧНАЯ ПОГОНЯ

Дорога от дворца пролегала по когда-то дикому ущелью. В него дул и свистел ветер. Буря и порывы вихря, сметающая пыль и сгибающая деревья, рождали в сознании неукротимые желания.

Кони, казалось, имели крылья; они неслись в безумном беге, едва касаясь земли и увлекая за собою колесницу.

Косой дождь бил в лицо. Сквозь шум падающих водяных струй врвался отдаленный стук лошадиных копыт по

мокрой, хлюпающей земле.

Кто-то скакал впереди бешеным галопом. Вскоре в темноте ночи издали стал выделяться силуэт лошади с пригнувшимся всадником. Кафир, управлявший колесницей, — громадный человек, закутанный в мокрый плащ и прикрытый каской, — гикнул, ахнул и ударил вожжами, подгоняя коней.

Уже огни домов Дира отражались на блестящих камнях улиц, а расстояние между нами и всадником не уменьшалось. Вцепившись в перекладину колесницы, подскакивая на ухабах, согнувшись от ветра, я всматривался в летевшую впереди нас лошадиную тень.

Перед моим домом сразу оборвался галоп, всадник соскочил с лошади и скрылся в дверях. Мы пролетели вперед, затем повернули колесницу и, когда я стучал в медный круг, прибитый к двери, ни коня, ни всадника не оказалось.

Открыл слуга — плосконосый сияпуш.

— Сюда кто-то только что вошел.

— Нет, — отвечал он невозмутимо, — никого не было.

Я отстранил его рукой и пошел по коридору, но остановился, заметив в одной из дверей пробивавшийся сквозь щели свет.

Одним прыжком вскочив в комнату, я увидел: Дизана снимала мокрые сандалии. На полу, в луже воды, валялся плащ. Кожаные перчатки, шлем и хлыст лежали рядом. С распущенных волос и лица стекала струями вода.

Изумленная моим появлением, она смотрела на меня с испугом.

— Это ты только что приехала сюда верхом?

Она колебалась, не зная, что сказать.

— Напрасно ты молчишь. Я тебя узнал совершенно ясно на повороте дороги.

Она все еще раздумывала, но, осененная каким-то принятым решением, выпрямилась и совершенно спокойно сказала:

— Да, это была я.

С момента моей встречи с Бактрианой, наши отношения с Дизаной резко изменились. Я был рассеян, холоден

и сдержан. Она — робка, печальна и молчалива. Я никогда не задумывался над тем, что она переживала. Наша связь возникла быстро, неожиданно, и я не мог понять, что толкнуло ко мне это странное, по-своему обаятельное и загадочное существо. Отдельные фразы Дизаны, ее жесты и поступки иногда заставляли меня думать о том, что она следит за каждым моим шагом. Она понимала многое и, конечно, звала гораздо больше меня. Было трудно уяснить ее настоящее положение. Официально она была танцовщицей, рабыней. Бактриану она ненавидела и боялась ее. Джаст обращался с нею очень почтительно, она свободно посещала дворец, высокомерно обращалась со слугами и имела влияние при дворе.

Глядя на ее стройную фигуру, обтянутую мокрой туникой, и умные, большие черные глаза, я начинал понимать, что она могла бы быть моей союзницей. Женская дружба отличается от мужской тем, что имеет все ее достоинства, не имея никаких ее недостатков.

Я взял руку Дизаны и, нежно погладив ее, сказал:

— Я думал, что вы меня хоть немного любите и я могу рассчитывать на ваше доверие.

Бактриана была блистательна, ослепительна, великолепна. Дизана — обаятельна в своей нежной задумчивости. Она олицетворяла в себе женственное начало, потребность в любви и самопожертвовании.

Радость, вызванная моими словами, еще не согнала с ее лица выражения сдержанности. Она молчала, но я чувствовал, что еще минута, и любовный порыв прорвет, как вода прорывает плотину, ее недоверие ко мне. Она мягко отстранилась от меня и потом сказала:

— Мне хочется верить, что вам не безразлично, как я к вам отношусь. Но я знаю, что ваши слова и жесты ложны: вы любите Бактриану. Вы будете наказаны очень скоро: Бактриана на любовь неспособна. Это — кошка, которая боится только силы. Ее чувства пробуждаются и угасают, не завися от сердца. И потом... — Дизана поколебалась, — вы ей едва ли даже нравитесь.

Я почувствовал страшную, почти физическую боль.

— Иначе, — закончила она, — Энвер-паша не жил бы во дворце. После второй встречи она приказала перевести его из караван-сарая в маленький дворец, примыкающий к главному зданию. Всем известно, что есть подземный ход, соединяющий оба эти дома.

«Не верь, не верь, — говорил я себе, продолжая жадно вслушиваться в ее слова, — женщины коварны и лживы, она хочет очернить Бактриану в твоих глазах, заставить ее ненавидеть».

А Дизана продолжала, точно читая мои мысли:

— Если бы Бактриана не была увлечена Энвером, она никогда не пошла бы на столкновение с Советом Тринадцати. Убедившись, что совет не пойдет на войну с большевиками, она пытается теперь склонить вождей сияпушей принять участие в бухарских делах.

И потом прибавила с радостью:

— О, Энвер с ней хорошо обращается; говорят, что он ее бьет по щекам.

— Замолчи, — вскрикнул я, чувствуя, что одно лишнее слово переполнит чашу моей муки, и я буду способен на какой-нибудь непоправимый, безумный шаг.

Глава XXIV

ГДЕ ВЛЮБЛЕННЫЙ СТАНОВИТСЯ ДИПЛОМАТОМ

Всю ночь шагал я из угла в угол своей комнаты, и мое обостренное воображение с непередаваемой ясностью рисовало мне одну и ту же картину: Энвер своей солдатской прямой походкой идет по темному проходу тайника.

Я заснул с головной болью и не сразу понял, что за мной прислали из дворца.

Одеваясь, принимая ванну, завтракая, я испытывал неприятное чувство при мысли о встрече с Бактрианой. Теперь

я ее ненавидел, презирал — эту любовницу Энвера — именно за то, что она оказалась слабой, похотливой, похожей на тысячу других женщин.

Аромат очарования, восторг преклонения перед ней исчезли.

Бактриана приняла меня в кабинете — месте нашей первой встречи.

Она была деловита, хмура, сдержанна. В тунике черного цвета, со строгим выражением лица, она сухо попросила меня сесть. Черные круги под глазами говорили, по крайней мере, о бессоннице.

— Итак, я буду краткой. Ввиду того, что мы получили оружие и часть денег, обещанных английским правительством за помощь Энверу, то, несмотря на сопротивление Совета Старейшин, мне удалось склонить наиболее крупные племена сияпушей, живущих за пределами Кафиристана, принять участие в бухарских делах. Однако, положение Энвер-паши уже настолько ухудшилось, что, возможно, на месте потребуются некоторые срочные меры для успешного ведения операций. Поэтому я считаю, что вам нужно выехать вместе с Энвер-пашой в Бухару. Того же мнения и английское правительство.

— Откуда вам известно мнение английского правительства? — спросил я холодно.

— Энвер-паша снесся с английским представителем в Кашгаре по этому поводу, и тот ответил, что лишь после вашего прибытия в Бухару, как посланного специально по этому делу, английское правительство сочтет возможным оказать ту или иную дополнительную помощь.

Я сказал:

— Я поеду не в Бухару, а в Лондон. Положение со времени моего прибытия сюда существенно изменилось. Стратегически оно безнадежно для белых бухарских войск. Политически Энвер-паша совершенно дискредитировал себя, связавшись с крайними реакционными элементами и даже просто бандитами, не имеющими другой цели, кроме грабежа. Наконец, само оказание помощи затруднено технически: из Афганистана это почти невозможно. Из Кашгара оружие пе-

ресылать большими партиями тоже нельзя. Нам выгоднее осуществлять свою политику в Средней Азии другими путями, например, через басмачей Ферганы. Уже несколько лет, как Мадалим-бек, Иргаш и Курширмат развивают необычайно активную деятельность против Советов. Ведь Курширмат до сих пор имеет звание «командующего армией Ислама», данное ему бывшим эмиром Бухарским, а Мадалим-бек, сидя в Иркиштаме, сумел, помимо армии, сформировать и «ферганское правительство». Успенский, бывший русский царский консул в Кашгаре, усиленно нас предостерегает от увлечения Энвер-пашой и советует увеличить помощь басмачеству...

С каждой новой моей фразой спокойная сдержанность все более покидала Бактриану. Наконец, она встала и начала ходить крупными шагами по комнате вдоль библиотечных шкафов.

Потом повернулась и, всматриваясь в меня злыми глазами, сказала:

— Вы так лжете, что можно принять ваши слова за правду.

— Сударыня, — и я поднялся с достоинством, — до прибытия сюда Энвер-паши наши переговоры носили более достойный характер, и я бы сказал, с большими результатами для вашего государства.

С каким удовольствием я церемонно поклонился, создавая всю радость мести и чувствуя, что Бактриана не сможет сейчас прервать беседу и бросить Энвера на произвол судьбы. В то же время, эта женщина была чертовски умна. Боясь, что мои слова — правда, она все-таки чувствовала, что я лгу, преследуя какие-то цели.

Я взялся за ручку двери, когда услышал ее крик:

— Пойдите!

Повернувшись, я увидел ее побледневшее лицо прямо перед собой.

— Скажите, чего вы хотите?

— Я? В данный момент — закурить сигару.

Медленными шагами я приблизился к столу, обрезал сигару, зажег спичку, прикурил, сознательно растягивая время.

Когда первый клубок синего дыма кольцом взвился к потолку, она переспросила:

— Так чего же вы хотите?

Тогда я подошел к ней и сказал.

— Вас.

Она отскочила, как кошка, и прошипела:

— Достаточно мне сделать жест, и вы будете убиты.

— Ничего хорошего, сударыня, от этого не получится. Энвер не получит помощи, а, кроме того, согласно английской традиции, в подобных случаях индийские аэропланы получают предписание уничтожить все, что можно, на враждебной территории. Читрал ведь недалеко...

Она продолжала кипеть негодованием:

— Джентльмен, лорд Пальмур, способен так завоевывать женщин?

— Каждый делает это, как умеет. Я не могу очаровывать женщин звоном шпор, величественными жестами и чалмой, как это делают другие. Приходится раскидывать умом, как этого добиться иначе; впрочем, не так давно вы были более добры к мне и, если бы нам не помешали...

Она повернула голову ко мне.

— Это было до...

— Вы хотите сказать, до приезда Энвера-паши? Согласитесь, я в этом не виноват. Можете считать его как бы отсутствующим.

Я поднялся из глубокого кожаного кресла, бросил сигару в сторону и поклонился:

— Сударыня, вы имеете возможность размышлять до шести часов вечера сегодняшнего дня. Если в семь часов я не получу приглашения во дворец, завтра я выеду в Читрал. Если по несчастной случайности я окажусь по дороге убитым, то, согласно посланным по радио указаниям, вы будете иметь удовольствие услышать над вашим дворцом шум авиадвигателя.

Глава XXV

КОГДА СТАТУЯ ОЖИВАЕТ

5 часов 30 минут. Весь день я не мог ничем заняться. Чтобы отвлечься от занимавших меня мыслей, я стал читать персидское «Шах-Наме», судя по миниатюрам, очень давнего происхождения. Там имеется очень любопытное сказание о происхождении сияпушей:

«В период царствования в Самарканде Хазрет Афросиаба, Александр Македонский вел войну в Персии, где жил хан Кей-хауе, имевший развратного сына Сияпуша. В силу того, что Кей-хауе не мог сопротивляться наступлению Александра, он передал страну Афросиабу. Сияпуш с пошедшими за ним племенами бежал под покровительство самаркандского царя, который отдал за него свою дочь и велел ему поселиться в низовьях реки Заравшан для того, чтобы тот защищал страну от нашествия варваров, обитавших в безбрежных степях за Аму-Дарьей. Там, на пространстве, где ныне находится Бухара, Сияпуш выстроил ряд крепостей; но вскоре поссорился с Афросиабом, и тот прогнал его в Дарвазские горы. Он пле-

нил и сжег самого Сияпуша. Но сыновья его Кок, Замор и Зангибар ушли в недоступные горы, где ныне и проживают сияпуши».

Все это, конечно, неверно: кафиры разделялись на сияпушей и сафидпушей, то есть одетых в черное и одетых в белое. К первым принадлежат кафиры, мадугали, кашканы, камы и истраты, ко вторым — прессуны, вайцы и ашхуны. Эти племена поселились в нынешнем Кафиристане ранее прихода в Афганистан Александра Македонского. Когда поселенные им в Балхе и Бактрии греки под давлением саков направились в Кафиристан, то они прошли гористые местности, где жили сияпуши, и осели в находящейся в середине их долине, где жили сафидпуши. Тут они смешались с прессунами и вайцами, создав нынешнее новогреческое государство и подчинив их своей культуре. Поэтому теперь сияпуши оказались в подчинении, как полудикое племя, нынешнему Кафиристану.

Эти размышления не мешали мне чутко вслушиваться, ожидая, не раздастся ли топот коней, присланных за мной из дворца.

Итак, если до шести от Бактрианы не будет вестей, в шесть я телеграфирую о выезде в Читрал.

Кстати, сегодня я получил письмо от Энвер-паши. Он сообщает, что написал большевистскому командованию, предлагая заключить мир, отдав ему Бухару. Я не знаю, глупость это или наглость — делать такое предложение стране, занимающей шестую часть мира, — человеку, в распоряжении которого всего несколько тысяч плохо вооруженных бандитов.

До шести осталось восемь минут.

Шесть. Пора отправлять депешу. Бактриана, ты будешь наказала.

Маленький четырехугольный листок, покрытый цифрами, имеет магическую силу. Он перенесется через воздушный эфир, чтобы попасть в проволочную паутину радиоприемника. Цифры превратятся в бумагу — миллионную частицу бумажного моря, наполняющего канцелярии. В пяти раз-

ных частях мира задвигаются щупальцы, переместятся пушки и человеческое мясо, и стальные птицы будут летать, выплевывая на землю огненную слюну.

Поднявшись на крышу, я невольно вдохнул аромат цветов, одуряющий и в то же время нежный. Ночь была теплая, звездная, луна освещала край дома и угол сада, оставляя беседку и примыкающую к ней радиобудку в темноте. Антенна светилась и была похожа на стальную паутину, висящую в воздухе.

Я перешагнул через порог беседки и остановился, увидя фигуру, закутанную с головы до ног в черное покрывало. Невольно рука моя потянулась к заднему карману, где лежала маленькая стальная игрушка с запасом на шесть смертей.

Тогда фигура сделала движение, покрывало упало к ее ногам.

Это была Бактриана.

Глава XXVI

ЭНВЕР ДОЛЖЕН БЫТЬ УНИЧТОЖЕН

Каждый день и час раскрывали секрет обаяния Бактрианы. Оно заключалось в самом полном сочетании физического совершенства с исключительным умом и большими и разносторонними знаниями.

Хотя Бактриана формально царствовала, но не правила, тем не менее, она управляла государством, часто обходя Совет Тринадцати. Считается, что английский король тоже царствует и не правит, а между тем, сколько самых важных мероприятий вышли околным путем из Букингемского дворца.

И теперь Бактриана развивала бешеную деятельность, организуя помощь Энверу.

Я получал об этом сведения от Дизаны, которая испытывала удовольствие, рассказывая о новых доказательствах

любви Бактрианы к Энверу.

Первые дни я был опьянен Бактрианой. Меня охватывало глубокое безразличие ко всему, что было до или могло быть после наших любовных свиданий. Но понемногу, так же, как вода, просачиваясь в землю, захватывает все новую и новую площадь, чувство любви переместило центр моих интересов в одну точку. Эта точка дрожала, удлинялась, вытягиваясь в линии и превращаясь в горящие буквы огненного слова: **Бактриана**.

Однажды, лежа на тахте в голубоватой спальне Бактрианы, я следил за бледными лучами только что родившегося утра. Туманный свет оседал на стеклянном потолке, наполняя комнату таинственным полумраком.

Мои мысли ползли сонно и лениво, и в них, как в медленно пущенной кинематографической ленте, проходили события последних дней.

Энвер-паша уехал неделю тому назад. События в Бухаре развивались так быстро, что он не мог ждать. Бактриана не скрывала своего горя. Ее страстная натура не могла примириться с необходимостью расставания. Он сказал: «Я вернусь после победы». И она стремилась ускорить эту победу всеми средствами. Любовная связь со мной была одним из них. Она требовала от меня оружия, денег, депеш в Лондон, хвалебных рапортов о достоинствах Энвера. Это была протекция особой марки.

Я любил женщину, а вместо этого владел лишь ее телом, похожим на твердый и теплый алебастр. Я не имел никакой власти над ее умом и чувством. Это бессилие оставить по себе следы какого-нибудь влияния на ее душу приводило меня в бешенство.

Проклятый Энвер, отсутствуя, присутствовал повсюду, и его невидимая тень стояла между мной и Бактрианом.

Победив, он стал бы владеть Бактрианой нераздельно, но и теперь, в период неудач, он целиком занимал ее воображение. Каждый новый гонец с плохими вестями приводил ее в полное отчаяние, которое сменялось еще более энергичной организацией помощи восставшим. С каждым нашим

новым свиданием она становилась озабоченнее, холоднее, и ее ласки носили характер унижительного пренебрежения.

Я потянулся, пошарил рукой, достал сигару, закурил и, одев пижаму и туфли, стал расхаживать по комнате.

«Нет, — думал я, — или свет сделался мал, или двум людям в нем стало по-настоящему тесно».

В коридорах и во дворе мяукали и рычали звери, совершая свой утренний туалет. В казармах играла труба. Кричали последний раз петухи. И прежде, чем окончательно родился день, в моей голове созрело законченное решение: Энвер должен быть уничтожен.

Несколько часов спустя я послал следующую телеграмму в Индию:

«Наступил момент, когда необходимо мое личное присутствие в Бухаре. Прекратите всякую высылку оружия и денег до моих указаний с места».

Глава XXVII

О СУРЕ КОРАНА «СОЛНЦЕ»

Северная часть дворца примыкала к саду, террасами спускавшемуся к озеру, всегда спокойному и как бы наполненному ртутью, подобно грандиозным зеленым ступеням лестницы гигантов. По обеим сторонам площадок сплошной стеной тянулись к небу стройные кипарисы. Громадные, старые, похожие на грибы кедры высились на фоне зеленой, сочной и яркой травы. Вода оросительных каналов стекала сверху небольшими водопадами, играя на солнце серебристой водяной пылью.

Спокойствием вечности веяло отовсюду, и каждый куст, ежегодно умирающий и расцветающий вновь, говорил:

— «Пусть мысль твоя не обгоняет этой минуты, — в этом

тайна успокоения»¹.

Я лежал на траве, читая вслух суру из Корана «Солнце»:

«Клянусь я солнечным сияньем,
Луной, которая к нему близка,
И днем во всей красе его блистанья,
И ночью, скрывшей облака,
И богом переданной властью.
И тем, кто сам ее мне дал
Кто будет чист, — дарую счастье.
Кто загрязнится, — тот пропал».

Я повторил про себя последнюю строчку: «Кто загрязнится, — тот пропал».

С детства и до самого последнего времени моя жизнь текла ровно и спокойно, без потрясений и неожиданностей, между брекфестом², ленчем³ и обедом, книгой и письменным столом. О великой войне я знал лишь по газетам и рассказам других. У меня была невеста из одной близкой нам семьи, и я ее любил ровно столько, сколько это полагалось для того, чтобы считаться женихом.

Никто никогда не отмечал во мне никаких страстей, способных отвлечь меня от науки. Даже спортом я увлекался в меру. И вот странное перемещение в другую обстановку неожиданно вскрыло во мне какого-то другого человека.

Этот новый человек во имя женщины, возбудившей его страсть, сказался способным предать интересы Великобритании и совершенно хладнокровно решил уничтожить человека, помогать которому входило в его задачу. Новый лорд Пальмур овладел женщиной при помощи шантажа, зная,

¹ Из Рубаяда Омер Хайямы.

² Так называется утренний завтрак.

³ Ленч — так называется второй завтрак у англичан из горячих и холодных закусок.

что она его не любит. И все это не возбуждало в нем ни малейшего сожаления или угрызения совести.

Так, удивляясь самому себе, я в то же время спокойно обдумывал детали разговора с Бактрианой о своем отъезде в Бухару.

— Наше расставание не будет долгим, — говорила Бактриана, держа мое лицо в своих ладонях. — Вы и Энвер — два таких человека должны победить.

— Вы ошибаетесь, моя дорогая. Тут борются не люди между собой. Две системы противопоставляются друг другу. Кнутом, умом, мечом и деньгами Англия главенствовала над миром. Система большевиков разоблачает эти способы и внушает народам, что они могут жить самостоятельно. Нам не страшны самостоятельные монархии. С королями и эмирами, шейхами и султанами можно было бы договориться. Но этого нельзя сделать с так называемыми рабочими и крестьянскими правительствами, мечтающими об освобождении от опеки иностранцев.

Вот с вами, сударыня, мы договорились, — добавил я шутя, — но что было бы, если бы вас свергли и вместо вас управляло народное правительство?

— Меня бы, наверное, свергли, если бы я поставила под угрозу независимость Кафиристана.

— А ваше пристрастие к Энверу, разве оно не опасно для него?

— В тот момент, когда оно будет опасно для интересов нашей страны, Бактриана перестанет быть царицей Кафиристана.

С этими словами она подала мне руку, чтобы проводить ее в столовую, давая понять, что разговор на эту тему закончен.

Глава XXVIII

В ШТАБ-КВАРТИРЕ ЭНВЕР-ПАШИ

Я никогда в жизни не видел более унылого пейзажа в

сумерки. Бесконечная пустыня была наполнена, набита, засыпана песком.

Я видел Сахару — это плоскость с песчаной поверхностью, приобретающей, в зависимости от ветра, то форму бесконечных дюн, то форму ровно усеянного желтоватым песком пространства.

Тут было совсем другое. Грандиозные валы, песчаные стены торчали, возвышаясь к небу, готовые рассыпаться от одного дуновения ветра.

Мы ехали, рискуя каждую минуту быть засыпанными сверху песочным обвалом, мы вдыхали песок вместе с воздухом, пережевывали вместе с пищей.

Кое-где торчали желтые, бледно-зеленые кусты ползучих растений. Всякое представление об остальном мире, городах и людях исчезло. Сознание определялось одной сливающейся на горизонте линией: неба и песка. Заходящее солнце превратило ее в кроваво-красную черту.

Больше ста верблюдов, медленно и важно раскачиваясь, несли через пустыню курдюки с водой и ящики с надписью:

«Армстронг Виккерс» — оружие и патроны.

На шестой день пути признак человека определился звуком отдаленной артиллерийской канонады.

Пустыня переходила в широкую равнину, ограниченную с запада Вашхлем, а с северо-востока — горными цепями.

Вдали виднелось огромное городище. Город Ляхман, Лакман, Логман, — великий город дохристианской эры, — был столицей страны Хотель, расположенной по реке Вахшу. Некий человек по имени Ляхман, родом из Индии, почти одновременно с Зороастрой появился на Оксе, проповедуя вечность душ в бесконечном перевоплощении их из одного существа в другое. Слава его была велика, — об этом свидетельствует Коран (глава 31, стих 11-12). В честь его названа провинция в Афганистане, близ Кабула.

Итак, выбрав богатую долину между низовьями рек Вахша, Пянджи и Кизиль-Су, пророк основал здесь сильное государство, построив ряд замечательных крепостей. Оно вело сношения с Китаем и Тибетом и вместе с Балхом и Бактрией было уничтожено нашествием саков, сарматов и рушанов.

Грандиозное пространство вокруг было усеяно развалинами крепостей подобно тому, как кости и трупы усеивают поле битвы. Здесь победителями были время, ветер и войны, побежденными — великие крепости Таш-Тепе, Кефир-Кала, Лехман, Хая-Кала, Утен-Када и Хая-Тюбэ.

Повсюду виднелись густо заросшие рвы, кирпичная оголенная кладка стен, громадные четырехугольные поверженные колонны и возвышающиеся, когда-то грозные, а теперь лишенные своих верхушек башни с бойницами.

Стоило ударить заступом о землю, чтобы наткнуться на черепки посуды, кусок меди, железа, плиты с арабской надписью...

Кругом лежала великая мертвая страна, погребенная под развалинами и засыпанная песком уже несколько столетий.

Луна светила мертвым ровным сиянием, освещая развалины, казавшиеся недавними, и отражаясь на поверхности Джеликульского озера.

Вдали прозвучал гул орудийного выстрела и, сливаясь с эхом, разорвался снаряд.

Казалось, что великая битва, начавшаяся тысячу лет тому назад между македонянами и саками, продолжалась на покрытой развалинами крепостей земле.

На горизонте показались темные пятна, превратившиеся в быстро скачущих всадников.

Караван-баши¹ на своем белом коне поравнялся с моим верблюдом. Это был человек из племени дюрани — афганец в белом шерстяном плаще и зеленой чалме, — он дважды совершил хадж².

— Саиб, это скачут гонцы великого сердара Энвера.

Я оглянулся на караван, — один за другим тянулась верблюжья цепь. Следом за мной ехал всадник в пробковом шлеме, в бриджах, крагах и белом френче. Из-под шлема торчал отливавший синевой пучок волос, — это была Дизана.

Всадники — полуэскадрон — шагах в пятидесяти выстроились в одну линию и вперед выехал командир. Я никогда в жизни не видел подобного войска. Командир сидел на коне, одетый в пестрый полосатый халат. На плечах его были широкие золотые погоны: одна полковничья, другая — генеральская. На голове его была надета кирасирская каска с белым султаном.

Он сделал на коне прыжок вперед, и немедленно один из сопровождавших его кавалеристов вручил ему маленький барабан. Командир засунул поводья под седло, взял барабан в руки и, ударив несколько раз, прокричал команду на смешанном русско-персидском диалекте. Кавалеристы, одетые в самые разнообразные халаты, опоясанные саблями и увешанные старыми пистолетами и ружьями, обнажили клинки и салютовали очень неудачно.

¹ Начальник отряда.

² Хадж — паломничество. Всякий религиозный мусульманин совершает паломничество в Мекку, — священный город мусульман. Мекка — родина Магомета.

Снова зазвучал барабан, и маленькое войско дружно закричало «зиндабар».

Несмотря на усталость, я смеялся самым искренним образом.

Командир плавным жестом отдал барабан — знак власти, слез, поддерживаемый под руки, с коня, подошел ко мне и, сделав «селям», произнес краткую приветственную речь.

Под уздцы вели чудесного боевого белого коня. Он весь снял серебряными бляхами и цепями, покрывавшими уздечку и нахвостник. На лбу на цепочке болтался кроваво-красный рубин.

Я пересел со своей спутницей на лошадей и, сопровождаемый командиром, помчался впереди отряда.

Мой полковник-генерал ехал, потрясая султаном, и из-под каски его во все стороны торчали косичками спутавшиеся, пепельного цвета волосы.

У ворот разрушенной крепости мы остановились. Двое часовых в истрепанной английской форме и белых чалмах неумело взяли на караул. Они были из мобилизованных крестьян, и на их лицах отражались страх и следы солдатской муштры.

Во дворе, очень обширном, с бассейном посередине, были разбиты несколько палаток. Их истрепанные полотнища, во многих местах заплатанные и завешенные у входа коврами, свидетельствовали о том, что резиденция Энвер-паши не отличается богатством.

Энвер встретил нас у входа в свою палатку. Над ней развевалось зеленое знамя. Внутри стоял большой деревянный складной стол, покрытый картами, несколько полотняных стульев и походная кровать.

Кроме него, в палатке находился его начальник штаба, адъютант и двое вестовых, — все турки.

Энвер-паша начал с извинений за невозможность предоставить нам удобные условия для жилья. Ему постоянно приходится передвигаться, и поэтому, естественно, нельзя даже и думать о какой-нибудь постоянной резиденции.

Я мельком взглянул на карту и увидел, что передвигался он довольно быстро, теряя каждый день значительные

части своей территории. Как бы угадывая мои мысли, Энвер заговорил о недостатке оружия, об измене беков, об умелой пропаганде большевиков, благодаря чему часть повстанцев переходит на сторону народного бухарского правительства.

Я заметил довольно саркастически, что нежелание населения драться против бухарского правительства объясняется, по-видимому, сочувствием к нему населения, и в этих условиях едва ли возможно надеяться на победу.

— Как? — воскликнул Энвер, — и это говорите вы, представитель английского правительства, вместо того, чтобы всячески поддерживать меня в борьбе с большевиками!

— Я высказываю только свои предположения, мой друг. Вы понимаете, что я только что приехал и еще не мог ознакомиться с положением. Впрочем, бесполезно раздавать драгоценное в других условиях оружие, если мобилизованное вами население не собирается им пользоваться. Наоборот, переходя на сторону революционного правительства Бухары, оно будет передавать ему и наше оружие, еще более укрепляя его этим.

И я закончил, чтобы больше не распространяться:

— А теперь разрешите мне отдохнуть.

Мне отвели такую же ветхую палатку, какие были и у других сотрудников штаба Энвера. Складная мебель, калильные лампы, ковры и целый ряд других вещей, включая запасы консервов и напитков, дали возможность Дизане сделать из нее уютное по военным условиям жилище. Она хлопотала, приводя все в порядок, разворачивая кучу тюков и ящиков и напевая. Она была довольна: от Бактрианы нас отделяла пустыня.

Заснул я не очень спокойно. Кто-то сказал, что красные аэропланы почти ежедневно совершают ночные полеты над этой разрушенной крепостью. Поэтому после определенного часа запрещалось зажигать свет, за исключением небольших ночников, вроде лампадок.

Глава XXIX

БЕЛЫЕ И КРАСНЫЕ

Кроме турецких офицеров, составляющих штаб Энвера, при нем находятся на положении гостей-союзников локайский хан, Муэтдин-бек — глава бухарских басмачей, ориентирующийся на бывшего эмира, и представитель эмира бухарского — бывший верхний кушбеги имам Назар-бек.

Локайский хан, горное и дикое племя которого находится в тылу у Энвера, держится независимо, на положении наблюдателя. Пока что за свой нейтралитет он получает от Энвера богатые подарки, весьма ощутительно отзывающиеся на тощей казне вождя младотурок.

Имам Назар-бек держится очень умно. Вся его политика заключается в том, чтобы Энвер-паша загребал жар для его повелителя, эмира Бухарского. Он следит за тем, чтобы во всех подчиненных Энверу областях немедленно восстанавливались в должностях старые эмирские чиновники, и чтобы «лев ислама» не выходил из окружения верных эмиру лиц.

Сопротивляться этому Энвер не в состоянии, потому что средства для ведения военных действий он получает от бывшего эмира. Последний сидит в Афганистане и через своих агентов внимательно наблюдает за тем, чтобы его наемник не выходил из повиновения.

Имам Назар-бек — перс. Верхний кушбеги — высшее лицо в государстве, в отсутствие эмира полноправно управляющее страной, — по традиции должно быть персидского происхождения.

В долине Заравшана, именуемой Бухарой, — наследницей древней Согдианы, завоеванной великим Кутейба, — персы из рабов превратились в вольноотпущенников, из вольноотпущенников — в чиновников, в необходимых советников правящей династии Мангыт, преемницы Аштарханидов. Это они внушили эмиру мысль, что чиновники не должны получать жалованье от государства. Коротконогие,

толстые, мечтательные люди, воспитанные на наследии великой поэтической культуры, разводили розы на новой земле, создавая невиданную в истории систему эксплуатации народов, поселившихся на территории Бухары. Узбеки, киргизы, туркмены, таджики, гальча, афганцы, хазарейцы, арабы, евреи, цыгане и индусы — одинаково стонали под бременем налогов, пряча жен и дочерей от жадных глаз аксакала.

Роскошь и абсолютная власть разложили династию Мангыт, и последний эмир Сеид-Мир-Алим-Тюрк-Джан, бежав после революции в Афганистан, жалел больше об оставленном гареме, чем о потере трона.

Но имам Назар-бек — фактический правитель государства, — мечтал снова вернуться во дворец и надеть красные сафьяновые сапоги с подошвами и каблуками из чистого золота, присвоенные чину кушбеги.

Я присутствовал при казнях и пытках на территории, занятой Энвером. Вдохновленный мстостью и гневом, Назар-бек упивался жестокостью пыток, отрубая руки и ноги, отдавая женщин солдатам и сжигая дома всех заподозренных в сочувствии к новому режиму.

Даже старики, приверженцы власти эмира, даже духовенство начинало роптать. Назар-бек был сильнее Энвера. Он один был способен собрать нужные для войны деньги с уже обнищавшего населения, разыскать укрывшихся дезертиров, найти верных, жестоких и опытных чиновников.

Я видел ясно: это был путь гибели для Энвера. Каждый день уменьшал количество его сторонников, увеличивал ненависть к нему населения, а между тем, с севера надвигалась великим потоком русско-бухарская Красная армия, освобождавшая узников из тюрем, отменявшая пытки и неравенство сословий. Русские были настолько умны и тактичны, что их воинские части уходили немедленно, как только занятая ими территория переходила в руки бухарской народной республики. Русские солдаты сражались и умирали, чтобы вернуть бухарскому народу отнятую от него Энвер-пашой территорию.

Часто ночью, склонясь над картой со сводками в руках, я подсчитывал последние дни Энвера. Он держался благодаря тому, что отдельные главари шаек, понимая, что их гибель неизбежна при республиканском режиме, пользуясь знанием местности, задерживали наступающие войска. Локайский хан все еще невозмутимо принимал подарки Энвера, ожидая наиболее подходящего момента для нападения. Назар-бек неистовствовал в пытках и крови на последних клочках бухарской земли, оставшейся в руках Энвера. Каждый день молчаливые гонцы привозили из сказочной страны письма Бактрианы, адресованные мне и Энверу.

Энвер бросал их, не читая, в корзину.

Я перечитывал много раз милые строки. Вот что она писала:

«My darling!¹

Сведения, идущие из Бухары, ужасны. Я так верила в могущество английского правительства. Неужели оно не в состоянии удержать за Энвер-пашой занятую им территорию? Вы сможете это сделать, если захотите. Надо, чтобы все это кончилось как можно скорее, и тогда вы снова вернетесь в солнечный Дир и увидите вашу Бактриану».

Полотнища палатки раздвигались перед моими глазами, за ними скрывались пустыни, горы, ровная, как стол, дорога, сияющие солнцем висячие сады города, дворец, сверкающий древним великолепием, и Бактриана, унаследовавшая в сотом поколении непревзойденную прелесть Роксаны.

А на столе рядом с ее письмом лежала последняя депеша из Пешавера.

«Дело в Бухаре надо считать проигранным. Усилить помощь Энверу мы не можем, не навлекая обвинения со стороны Советов в организации восстаний на их территории. Но

¹ Мой дорогой.

Энвера нужно сохранить. Он может быть использован в Турции против Кемаль-паши, настроенного к нам враждебно. Клейтон».

Итак, они хотят моими руками вытащить маленького человечка из-под махового колеса истории.

Нет. Энвер будет уничтожен, дорога назад, к Бактриане, должна быть очищена. Я перечисляю по пальцам: локайский хан, Муэтдин-бек, Назар-бек, Энвер. Локайского хана можно подкупить. Муэтдина и Назар-бека надо натравить друг на друга. Против Энвера лучшее средство — его собственная глупость.

Глава XXX

«САРБАЗЫ БУХАРЫ БЛАГОРОДНОЙ»

Локайский хан монументален, как китайский бог войны. Белый плащ, белая чалма и матовый цвет лица оттеняют его черные с синим усы и бороду.

Он сидит, поджав ноги, на ковре, не выпуская из левой руки винтовку и погружая пальцы правой, унизанной кольцами, в жирный плов. В нем спокойствие большого зверя, сознающего свою силу. Глядя на него, я вспоминаю: тигр, однажды промахнувшись по добыче, никогда не прыгает вторично.

Поэтому он выжидает и, невозмутимо продолжая меня слушать, не произносит ни одного слова.

Я начинаю терять терпение и, пожалуй, слишком быстро увеличиваю сумму награды за выступление.

Неожиданно он встает и кладет обе руки на дуло ружья.

— Деньги вы передадите за день до выступления.

— А где же гарантии того, что вы действительно спуститесь с гор?

Он улыбается:

— Слово локайца.

Муэтдин-бек — глава бухарских басмачей — единственный военачальник, которого сумела выделить развалившаяся и бежавшая десятитысячная армия эмира Бухарского. Эта армия имела артиллерию без снарядов, солдат, вооруженных персидскими ружьями восемнадцатого века и, согласно уставу, по одному патрону в год на человека. Командовал ею топчи-баши — начальник бездействовавшей артиллерии.

Но эмир Бухарский, бывший флигель-адъютантом и генералом русского императора в Терском казачьем войске, имел свою гвардию в две тысячи человек, одетых в казачье обмундирование. Во главе одного эскадрона оказался лихой минг-баши Муэтдин. Русские офицеры довольно быстро научили его пить водку, ходить в публичные дома Новой Бухары и наградили его двумя медалями и крестиком.

И когда эмир поспешно бежал в Афганистан, оставив гарем, трон и бросив «сарбазов Бухары благородной», как называлось его войско, Муэтдин-бек бежал в горы, объявил себя защитником ислама, надел зеленую чалму и образовал

банду, которая грабила и резала население и уводила женщин в горы.

Энвер-паша командовал, Муэтдин-бек воевал, а Назар-бек управлял захваченными территориями.

Назар-бек не без усмешки смотрел на Муэтдина, когда тот скакал на белом коне, окруженный зелеными знаменами, дервишами и аскерами, но становился сразу серьезным, как только начинали делить добычу. Муэтдин был необходим, и верхний кушбеги, затаив в душе злобу, часто уступал ему лакомые куски.

Но теперь, с каждым днем приближения к границе Афганистана, когда исчезла вера в победу, они ссорились все чаще и чаще, и бывали случаи, что джигиты Муэтдина зарубали из мeste чиновников Назар-бека, вырывая у них снятый с купца халат или выкопанный горшок с серебром.

Надо было кончать затянувшуюся игру.

Глава XXI

КОНЕЦ ЭНВЕР-ПАШИ

Через Гиссар и Бальджун остатки разбитых частей Энвер-паши отступали на Джили-Куль, чтобы в двух пунктах через Сарай и Саят перейти границу Афганистана.

В Гиссаре нукеры Назар-бека, оцепив базар и центральные улицы, громили лавки, склады и наиболее богатые дома, поспешно нагружая на ослов тюки с серебром, золотом, шелком и каракулем и наспех связанные узлы с халатами.

Некоторые купцы молча и покорно стояли на коленях лицом к востоку, воздев руки к небу, надеясь молитвой остановить грабеж. Другие стреляли в нападавших из кремневых ружей или дрались, защищая входы в дома и лавки кривыми ножами и старинными клинками, — наследием воинственных предков.

В центре крытого базара под самым куполом болтались, как белые шары грандиозной люстры, повешенные в

саванах бухарцы, заподозренные в сочувствии к революционным войскам. Под ними мальчишки торговали лепешками, нищие просили милостыню, вертящиеся дервиши-бекташи продолжали свои завывания, раскачиваясь, как маятники. В воздухе стояла ружейная трескотня, крики, лошадиный топот. Проносились всадники, сбивая с ног равнодушных зевак. Иногда нукер, не слезая с лошади, вел за собой за косы плачущую девушку. Все мечети были открыты и полны молящимися.

Я приказал собрать свой караван и вместе с Дизаной под конвоем двадцати индусов двигаться, не останавливаясь ни днем, ни ночью, к границе до переправы через Аму-Дарью, где уже были заготовлены каюки.

Сам я, проводив их за ворота города, вернулся назад.

Перестрелка заметно усилилась. Видно было, что к мирному населению, защищавшему свою жизнь и имущество, присоединились бухарские революционеры, потому что бой шел за обладание важнейшими пунктами города — караван-сараям, бекским дворцом и базаром.

Неожиданно раздались новые крики, и толпы, наполнявшие узкие и темные улицы, прилегающие к базару, бросились по разным направлениям: кавалерия Муэтдин-бека, отступившая с фронта, ворвалась в город. Она уже не имела признаков воинской части. Джигиты Муэтдина, впервые в настоящем бою столкнувшиеся с железной пехотой красных, стремились рассыпаться в разные стороны и скрыться в горах. Задержанные в своем движении боем на улицах Гиссара и возбужденные картинами грабежей и насилия, они бросились на нукеров Назар-бека, вырывая у них добычу и уводя сгибавшихся под тяжестью драгоценной поклажи ослов.

Люди, лошади, ослы вперемешку с женщинами и детьми, давя и убивая друг друга, превратились в одну сплошную живую кашу, заполнившую узенькие, темные, сдавленные двумя рядами глиняных домов улицы. Кровь вливалась в арыки, смешиваясь с водою и окрашивая ее в красный цвет.

В этот момент горы, окружавшие город темной и высокой цепью вершин, покрылись белыми пятнами: это локайцы в своих белых верблюжьих плащах спускались вниз. Они врезались на маленьких и злых конях в человеческое месиво подобно волкам, налетевшим на стадо баранов, решив перебить всех, чтобы потом вывезти все из мертвого и пустого города.

Я видел, как грудной ребенок, отброшенный кем-то, летал, как мячик, над головами сражавшихся, пока не повис на проткнувшем его штыке. Какой-то локаец-великан на маленьком коне вертелся, как бешеный, дробя каменным топором, как глиняные горшки, мелькавшие вокруг него человеческие головы. Подобно небесному грому на страшном суде, разорвался снаряд и, пролетев над городом, плюхнулся в самую середину забитого беснующейся человеческой базара. Потом другой, третий...

Разрывы начали сливаться, и снаряды ложились в последовательном порядке, как краски на палитре художника, огненным полукругом опоясывая город.

На уцелевшем минарете сумасшедшим голосом завыл муэдзин.

Густой дым пожаров со всех сторон подымался к небу.

С севера медленно приближалась темная прямая полоса — наступали революционные войска. Это придало силы восставшим и, хотя большая часть их была уничтожена, остающиеся проникли со дворец, и зеленое знамя на его башне начало медленно сползать вниз, а красное, окрашенное кровью — кто-нибудь из сражавшихся скрывал его на своем теле, — взвилось и колыхалось по ветру в воздухе, наполненном движением.

Звуки зурны, барабанов и рожков визгливо и напряженно собирали оставшихся в живых бойцов; первым повернул локайский хан. Старейшины убивали увлеченных и не желавших отступать горцев и подгоняли палками двигавшихся слишком медленно.

Муэтдин-бек с кучкой всадников и небольшим обозом мчался на юг, кинжалами подкалывая утомленных коней.

Среди пожарниц и развалин раненые и недобитые копо-

шились, уползая в расщелины переулков, в ворота домов и мечети. Тогда я повернул своего могучего карабаирца и в первый раз глубоко вогнал ему шпоры в бока. Он присел, закусил удила и сделал прыжок вперед.

По дороге по всем направлениям ползли или скакали люди и животные. В нескольких верстах от города я увидел небольшую группу солдат, остановившихся вокруг одной повозки. Турецкий офицер, держа факел в руке, наклонился над лежащим на ней человеком.

Я задержал коня. На повозке, истекая кровью от штыковой раны, лежал умирающий Энвер-паша. На его лице уже была печать смерти и глаза были полузакрыты.

Зять халифа, генералиссимус всех армий ислама, любимец женщин и Вильгельма II умирал при свете факела в повозке, запряженной ослом, который нетерпеливо помахивал длинными ушами, вздрагивая от ночной сырости.

В кармане френча я нашел ножницы для обрезывания сигар. Мне пришлось ждать недолго. Прошло всего несколько минут, и раненый, несколько раз вздрогнув, глотая воздух, как рыба, вынутая из воды, вытянулся и замер навсегда.

Тотчас же стоявшие около него вскочили на коней и помчались к югу, спасаясь от наступавшего неприятеля. Я отрезал прядь волос с головы Энвера и в последний раз оглянулся кругом.

Долина была аккуратно обведена мертвым кольцом гор. Тусклый свет луны, закрытой вуалью мелких облачков, ложился на разбросанные кругом повозки, умиравших животных и двигавшиеся тени недобитых людей. Тысячи шакалов, спустившихся в долину, плакали детским криком, задыхаясь от изобилия добычи. Над ними летали, громко каркая, их вечные крылатые спутники — воронье. Еще выше рассекали воздух громадные горные коршуны.

Город, освещенный ярким светом пожара, с его башнями, минаретами и куполами мечетей, придавал декоративно неестественный характер всему пейзажу.

На повозке лежал, уставившись полузакрытыми глазами в небо, брошенный труп великого авантюриста.

Глава XXXII

О НОВОЙ МЕККЕ ВОСТОКА – МОСКВЕ И О СЛАВЕ ЛИ ТА-ЧУ – ПОЭТА, МАНДАРИНА И УЧЕНОГО

Эмир Бухарский был последний неограниченный правитель, управлявший народом по шариату так же, как пастух управляет своим стадом. Величайшие деспотии Востока трескались, как яичная скорлупа. Халиф всех мусульман — турецкий султан, — превратился в экзотического эмигранта, разгуливающего по улицам Ниццы; эмир Бухарский и хан Хивинский исчезли с лица истории. В Персии династия Каджаров доживала последние дни.

Не на Мекку и не на ее черный камень «Каабу» смотрел мусульманский Восток. С севера шли новые огненные слова Ленина о национальном освобождении Востока. Рядом с полумесяцем вознеслась красная звезда, и по всем направлениям когда-то христианствующей империи двигались армии с лозунгами освобождения и равенства всех национальностей. Рядом с русским красноармейцем шли турки, латыши, немцы, узбеки, китайцы, туркмены, бухарцы, борясь за одно и то же дело. Весь мир дрожал лихорадкой революции.

И когда я на длинном и узком каюке переплыл Аму-Дарью и вступил на территорию Высокого Афганистана, то в пограничном рабате на стене я прочел декрет эмира: об обязательном обучении в школах, об отмене рабства, об ответственности чиновников перед законом.

История, подгоняемая большевиками, бежала, как скаковая лошадь.

Из маленькой, черной от дыма комнаты рабата открывались два пути: в сказочный Кафиристан — к Бактриане, и в Лондон — в лапы «Интеллидженс-Сервис» или, в лучшем случае, в сводчатые комнаты профессорского коттеджа, — к пыльным архивам, научным дискуссиям, университетским сплетням.

Три дня прошло в раздумье и в прогулках верхом по берегу Аму-Дарьи, где камышовые заросли, густые, как трава, скрывали от глаз серебристую зыбь реки Шип; лопатонос, усач, маринка, сазан, сом и форель плавали густыми стаями без всякого опасения, — здесь никто никогда не ловил и не ел рыбы.

Тигр и рысь, называемая учеными «линкс изабеллена», царствовали в камышах; их рык часто перемешивался с жалобными криками козули, джейрана или баранов, попавших им в лапы.

На четвертый день я написал Бактриане письмо.

«Я посылаю вам все, что осталось от Энвер-паши. Он потерял вас и воображаемую империю — для человека это много, — и погиб сам. Поймите — история идет мимо страшными шагами, не считаясь с людьми, и каждый из нас может попасть под ее тяжелый сапог.

У меня есть только один путь: к вам или никуда. Вы можете принять мою навязанную вам любовь или отвергнуть ее. Сегодня я написал в Лондон, что никогда больше не вернусь в Англию. Буду ждать здесь вашего ответа.

ПАЛЬМУР».

Когда исчез за поворотом дороги джамшид с запечатанной в письме прядью волос Энвера, я почувствовал облегчение: все приобрело спокойную ясность.

Прекрасными казались и вечерние закаты, и речная гладь с отраженной на ней тенью камышей, и ржание дикой кобылицы, и густые отряды саранчи, двигавшиеся на север.

Вы, побывавшие на Востоке — судите. Кто способен забыть опьяняющий аромат ночей, когда пряные запахи цветов смешиваются с опьянением, рожденным зрелостью плодов, страстными криками животных и изобилием и плодородностью, которой дышит земля.

Любовные желания охватывают всякое живое существо.

В эти ночи ожидание ответа от Бактрианы казалось нестерпимым.

Я вспомнил блестящие слова Ли Та-чу, — что означает «великое сливовое дерево осенью» — мандарина, поэта и ученого, так воспевавшего любовь:

«Попробуйте себе представить сердце; бьющееся с невероятной силой, состояние ума, близкое к помешательству, мозг, неспособный больше мыслить. Слова замирают на устах, мысль — в голове. Это причудливое явление. Лишая человека способности рассуждать, оно принижает его до уровня животного и оно же стирает все земные ощущения и топчет рассудок в сверхчеловеческой нирване и безграничном опьянении. Вся душа превращается в любовь и нет слов, чтоб это выразить...»

В одну из таких ночей я принял решение: не ожидая ответа, двинуться в Кафиристан.

Десять дней и десять ночей почти без остановок, меняя на каждом рабате лошадей, я переходил через горные вершины, спускался в ущелья и переплывал реки.

На одиннадцатый — перед нами открылась долина, похожая на плоскую тарелку, и черный профиль грандиозного древнего рабата. Это был центр пересечения всех дорог Средней Азии.

Я смотрел на него с вершины горы и почувствовал, как дрожит подо мной конь. И в то же мгновение страх и миллион мрачных предчувствий охватили меня.

Это было странно, бессмысленно и в то же время я никогда не испытывал более сильных ощущений. Инстинктивно я хотел повернуть коня назад, но тут же, поймав себя на этом, дал ему шпоры и по узкой тропинке начал спускаться в долину.

Глава XXXIII

ПОСЛЕДНИЕ СТРАНИЦЫ

Стены работа были грандиозны даже для масштабов крепостей древнего Востока — по ним трое всадников могли ехать рядом. Башни, бойницы, крутые лестницы, ведущие во внутренний двор, где журчали фонтаны и под сводами с колоннадой стояли животные: лошади, ослы, верблюды — создавали впечатление, что вы живете в самостоятельной, готовой к осаде крепости. Во дворе стояли палатки и по ночам горели костры. Парсы, индусы, арабы, афганцы, персы, туркмены сидели на корточках вокруг огня с неподвижностью статуй, чтобы через несколько часов двинуться по неведомому пути.

В глиняных казармах жили афганские солдаты, каждый день под звуки барабана маршировавшие под командой риссальдара — желтого человека в мундире и белых штанах, с серьгой в ухе.

Начальник рабата — мрачный и молчаливый горец — отвел меня в залу, выложенную плитами гранита, такую обширную, что стены ее терялись в полумраке. В одной из них была ниша, испещренная тысячами надписей... В течение веков каждый, кто проводил здесь ночь, делал на стене надпись. Самые странные имена перемешивались с изречениями Магомета, Будды и Зороастры.

Мы должны были пробыть здесь три дня. Надо было переменить лошадей и распустить конвой. Все равно кафиры не пропустили бы ни одного человека через свою границу.

На второй день нашего пребывания в рабате ко мне вбежала расстроенная Дизана. Во дворе она случайно подслушала разговор двух кафиров, прибывших ночью. Один из них называл мое имя. Потом к ним подошел начальник рабата, и они стали беседовать шепотом.

В этот же день переменялись слуги. Вместо добродушных и вялых гератцев появились горцы из Балха — громадные, молчаливые люди с резкими движениями. Я чувство-

вал совершенно ясно, что за каждым моим движением следят.

Однажды, катаясь верхом недалеко от рабата и проезжая мимо какой-то глиняной хижины, я услышал выстрел и из уха лошади, ставшей на дыбы, закапала алая кровь. Я повернул коня и увидел человека с ружьем, в белой чалме, поспешно убегавшего в поле. Тогда, сняв маузер с пояса и тщательно прицелившись, я выстрелил ему вслед. Он продолжал бежать по инерции, потом завертелся на одной ноге и упал. Я слез, засыпал пылью раненое ухо коня и медленно поехал к рабату.

Было ясно: на меня охотились.

Въехав во двор и отдав лошадь слугам, я медленно стал подниматься по узкой, витой и темной лестнице в свою комнату.

На каждой ступени меня мог ожидать удар кинжала в спину. Я был одинок, незащищен, окружен невидимыми и неизвестными врагами. Аппарат «Интеллидженс-Сервис» — вездесущий, таинственный и быстродействующий, — теперь тоже был направлен против меня.

Бросив при переходе через Аму-Дарью радиостанцию, ставшую ненужной, я известил Клейтона, что все бумаги могут быть переданы агенту «Интеллидженс-Сервис» на этом рабате и что я считаю свою миссию законченной. После этого индусы на моих глазах побросали в реку ящики с частями радиоаппарата.

Итак, помощи ждать было неоткуда.

В первой полутемной проходной зале я увидел Дизану, лежащую на полу лицом вниз. Наклонившись, я попал рукой во что-то мокрое и липкое — это была кровь. Перевернув ее на спину, я заметил кривой нож, торчавший в горле. Она была убита.

Тогда, с маузером в руках, прыгая через три ступени, я сбежал вниз и ворвался в комнату начальника рабата.

Он сидел в белой рубашке и таких же нижних штанах, поджав под себя босые ноги, и пил чай. В левой руке он держал чилим.

— В моей комнате убита женщина, ехавшая со мной.

Он медленно поднял голову:

— Я ничего не знаю, саиб.

— Вы мне ответите за это.

Он улыбнулся:

— По нашему закону, саиб, женщина не может ходить без слуг. Разве кто-нибудь видел, что из нее напали?

Тогда я почти насильно потащил его наверх

Мы поднялись по лестнице в сопровождении слуг, несших светильники, и прошли в залу. Там никого не было. Труп исчез. Только некоторые плиты были влажны от воды и кое-где розовели следы смытой крови. Я начал всматриваться ближе. Щели между некоторыми камнями не были зацементированы — они раздвигались, открывая под собой пустое пространство.

Меня охватило горе. Я почувствовал страшную физическую слабость и почти упал на каменное сиденье.

Шли часы. Стало совсем темно.

Я решил немедленно покинуть это место, скакать в темноте, все равно куда, наслаждаясь ощущением, что с каждой минутой увеличивается пространство, отделяющее меня от мрачной каменной могилы.

Я позвал слуг — никто не входил. Я бросился к двери. Большая, тяжелая гранитная дверь на железных петлях была заперта. Несколько минут я колотил в нее кулаками и кричал, потом, обессиленный, упал.

Я отыскал светильник и внимательно осмотрел всю залу: нет никакой надежды найти выход...

Глава XXXIV

ВСТРЕЧА

На этом рукопись кончилась.

Человек, читавший ее при свете светильника, перевернул последний лист и увидел сделанную неровным почерком приписку:

«Прошел день. Никто не входит. Я уже начинаю слабеть от голода. Я решил дописать до конца и спрятать рукопись под одним из выпадающих камней в стене. Может быть, люди, посланные сюда Клейтоном за документами, случайно на нее наткнутся, прочтя надпись на стене...».

Человек аккуратно сложил прочитанные листки, подошел к яхтану, открыл сложный замок и спрятал их туда. Потом подошел к стене и вставил на место камень. Минут пять он ходил из угла в угол тяжелыми шагами.

День уже давно сменил утро, и светильник бледным огоньком горел в углу.

Тогда человек повернулся, подошел к двери и громко крикнул:

— Биа инджа?

Вбежал кавас.

— Седлать лошадей.

Кавас, шлепая туфлями по ступеням лестницы, исчез, и тотчас заиграла труба. Вбежали люди, сворачивая тюки. Звенели цепями лошади. Солдаты бежали, застегивая мундиры на ходу.

Человек, уже одетый в шлем и португую, выехал вперед, в голову каравана. Ворота рабата раскрылись. С обеих сторон стояли слуги, ловя в воздухе разбрасываемые мих-мандаром из мешка серебряные монеты.

Когда человек в шлеме посмотрел вперед на дорогу, он увидел, что навстречу ему двигаются несколько всадников.

Через несколько минут оба каравана столкнулись.

Двое англичан в таких же пробковых шлемах, как и он сам, ехали впереди на маленьких арабских лошадях. За ними попарно на крупных военных конях двигались сипаи.

Они были вооружены маузерами и короткими бамбуковыми палками, налитыми свинцом.

Тогда один англичанин повернул к другому тяжелое красное лицо с квадратным подбородком и, указывая свинцовым стеклом на рабат, спросил:

— Это, кажется, здесь, Мак-Невель?

— Да, — ответил тот, — если он еще там. Впрочем, «Интеллидженс-Сервис» думает, что он погиб... Надо только убедиться...

Увидев европейца, они приложили пальцы к головным уборам. Человек в шлеме сделал то же.

Арабский конь чуть было не укусил карабаира, две выючные лошади передрались между собой. Но михмандары, обмениваясь персидскими приветствиями, ударами разогнали драчливых коней, и оба каравана разошлись в разные стороны.

ОБ АВТОРЕ

Николай Александрович Равич родился в 1899 г. в Москве в семье врача.

Участвовал в Октябрьской революции, член РКП (б) с 1919 г. Вступив добровольцем в Красную армию, служил комиссаром на Украинском фронте. Был заброшен как разведчик в зону польской оккупации в Белоруссии, после ареста польской контрразведкой и обмена военнопленными был направлен на Юго-Западный фронт в должности начальника секретно-информационного от-дела при Ф. Э. Дзержинском.

С 1921 по 1926 гг. находился на дипломатической службе в Азии, исполнял обязанности генерального консула в Герате (Афганистан), Самсуне и Артвине (Турция). С 1926 года работал в Наркомпросе РСФСР и Главном репертуарном комитете как заведующий театрузсекцией, затем старший политредактор. Был снят с работы при чистке аппарата в 1931 г. после обвинений в пропаганде фокстрота и джаза.

В 1927-1937 гг. выступал как прозаик («Бактриана», 1928), сценарист («Торговцы славой», 1929), драматург («Шестая мира», 1931, «Завтра», 1932, «Чай», 1933, «Снег и кровь», 1934, «Ошибка

профессора Воронова», 1935, совм. с Г. К. Никифоровым), переводчик (мемуары Мустафы Кемаль-паши), состоял членом редколлегии журнала «Искусство».

В 1937 г. был арестован, с 1938 по 1946 г. находился в лагере. Фильм «Суворов» (1940) по сценарию Равича был снят уже после его ареста. В 1947 г. выпустил книгу о Ломоносове «Повесть о великом поморе». Летом 1948 г. был вновь осужден в числе прочих ранее судимых политзаключенных и выслан в село Тасеево Красноярского края. В годы ссылки в судьбе Равича принимал участие Д. Д. Шостакович, пытавшийся содействовать его переводу из Тасеево в Канск. Был освобожден по ходатайству Союза писателей в 1954 г.

После освобождения публиковал мемуарные очерки о работе в Турции и Афганистане, борьбе разведок на Востоке, занимался переводами. Опубликовал неоднократно переизданные воспоминания «Молодость века» (1960), историческую хронику «Две столицы» (1962), книги «В центре Европы: Чехословацкие зарисовки» (1962), «По дорогам Европы» (1964), «Война без фронта» (1968) и др., написал ряд пьес, занимался переводами с французского и польского языков. В конце 1960-х гг. создал и возглавил Комиссию Союза писателей по историко-художественной литературе.

Скончался в 1976 году.

Роман «Бактриана» был впервые напечатан в московской «Рабочей газете» 5 февраля – 10 марта 1928 г. (№№ 31-60).

Публикуется по этому изданию с исправлением очевидных опечаток и некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации. Имена и топонимы оставлены без изменений.

Иллюстрации К. Ротова взяты из первоиздания. В оформлении обложки использован фрагмент работы М. Орази.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.